

Ксюша Вежбицкая

Не поехать ли нам за счастьем?

Издательские решения

По лицензии Ridero

2019

УДК 82-3
ББК 84-4
В26

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Вежбицкая Ксюша

В26 Не поехать ли нам за счастьем? / Ксюша Вежбицкая. — [б. м.] :
Издательские решения, 2019. — 94 с.
ISBN 978-5-0050-5529-3

Перед вами сборник искренних, душевных и чувственных рассказов про наших современников. Как и вы, они пытаются жить, испытывают боль, любят и ищут. И находят. Каждый — свое.

УДК 82-3
ББК 84-4

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0050-5529-3

© Ксюша Вежбицкая, 2019
© Марина Петрусь, дизайн обложки, 2019

Оглавление

Дед	5
Прерафаэлитский ангел	9
Среди людей особенных	16
Найти брата	25
Волонтер	37
Борис Борисыч	41
Неизбежность бытия	45
Бабуля	52
Консервная банка	52
Дома	56
Другие чувства	58
В гостях	61
Прощение	66
Лекарство для отца	69
Сюрприз	73

Дед

Надувала губы, брезгливо отворачивалась, когда огрубевшие от жизни руки помогали одеваться. Эти руки, некогда сильные, едва справлялись с водолазкой и были беззащитны перед «молнией» на кофте. Специально расставляла ладони — маленькие, аккуратные, мешала одевать, чтобы еще раз продемонстрировать ему беспомощность. И говорила раздраженно, словно ребенку:

— Ну, деда-а, это не так делается! — И принималась сама застегиваться.

Он сидел послушный и отруганный, полный покорности перед маленькой девочкой.

— Это зачем? — спросил, показывая на розового мохнатого зайца на брелоке.

— Это такая игрушка. Украшение, очень модное сейчас, — объяснила снисходительно. — Все девочки такие носят.

Потрогал жесткими руками нежнейший кроличий пух.

— Зачем так раскрасили? Ведь кролики серые, белые, — недоумевал наивно.

Закатила глаза недовольно:

— Ну некрасиво же серый! А розовый красиво и модно.

— Модно, — повторил эхом, сжимая розовый пух. — Разве не красивее то, что от природы?

Вопроса не поняла, только еще больше раздражалась от неловкости и вековой отсталости деда. С ботинками справилась сама. Уже застегивали куртку, когда он снова спросил:

— Каникулы теперь?

— Да, — ответила нехотя.

— Погостишь у нас недельку? — спросил, ласково поправляя шапку.

Увернулась от любящей руки, поправила сама:

— Неделю? Ну уж нет! Каникулы для того, чтобы отдыхать. Гулять с друзьями.

— Хотя на денек приходи, — почти молил, жалкий, ссутуленный, придавленный тонной воздуха сверху, годами сзади, непреодолимостью и предсказуемостью скорого будущего спереди. Жалкий дед с широкими не по размеру штанами, в старых, но чистых и опрятных ботинках. Дед с круглым, просящим лицом. — Приходи.

Посмотрела снисходительно, возвысившись над его униженной старостью.

— Ну, на денек, может, и приду, — сказала холодно. — Подумаю.

Собравшись, они вышли на лестницу, голоса затихли. Дед лал вид, что смотрю в книгу, а сам не продвинулся ни на строчку, все думал о старике и нечаянно подслушанном диалоге. Ощущение какой-то неправильной неправильности не покидало, мешало читать, свербило. Вспомнил своего деда, такого же неловкого от старости, только он был выше. Тогда никто не спрашивал, хочу ли я к нему на недельку, жил в деревне все лето как миленький. Ловил рыбу на пруду, пил молоко, гонял на велосипеде по глиняным ухабам. Дед был старый, жил бобылем и много делал по хозяйству. Сколько помню себя, он все время казался занятым: что-то чинил, стругал, приколачивал — мало ли забот в своем доме да на огороде? Он и меня пытался научить, но мне не особо сдавалась его наука.

Особой страстью деда были его яблони. Он где-то находил редкие черенки, ухаживал за ними, заботливо прививал, нежно поддерживая большими руками хрупкие веточки. Раскидистые яблони приносили по осени несметные урожаи. Ели эти яблоки ведрами, варили компот, закатывали варенье, которое казалось лучшим десертом с блинами — позже. Я знал, что дед любит свои яблони.

Как-то раз мы с деревенской компанией ушли купаться, а я не спросился. Забыл про время, возвращался в сумерках по пыльной дороге, а навстречу дед — встревоженный, нахмуренный. Выпорол он меня по босым мокрым ногам крапивой — прямо при всех ребятах. Ну как выпорол — стеганул пару раз, а я не выдержал — расплакался, больше от обиды, чем от боли, думал: дразнить будут потом до конца лета. Так и шел за дедом домой — слезы катятся, а сзади все казались смешки, остряки уж новые прозвища, поди, придумывают. Меня такая злость взяла, что, когда мы пришли домой, я не пошел в дом, а зашел на огород и направился в сторону яблонь. Невысокий тонкий стебелек с робкими зелеными листьями заботливо подпирался колышками. Это был новый сорт яблони, дед недавно привез его откуда-то. Не знаю, что на меня нашло, но я буквально накинулся на черенок, начал его пинать и топтать, потом вырвал из земли и переломил.

Никогда не забуду, как дед смотрел на меня. Я подумал, что он сейчас схватится за ремень, но он тогда и не прикоснулся ко мне. Стоял, смотрел, оплакивая в сердце и меня, и растерзанный черенок, а потом сказал тихо:

— Он же живой был. Ты живое убил.

Я тогда не понял. Я только потом понял. Так многое понял. Как сильно дед меня любил. Как каждой копейкой с нищенской пенсии хотел мне угодить: покупал мороженое, чинил велосипед, никогда-никогда не рассказывал родителям, что бы я ни натворил. На ночь, укладывая меня спать, бывало, подойдет, сядет, потреплет по выцветшим волосам. Расскажет что-нибудь, а я слушаю. Дед, дорогой, дедушка, где ты сейчас? Где твой дом, где мой велосипед? Где твои яблони?

Пока вспоминал старое, забыл про настоящее. О нем напомнила дочка, выпорхнувшая из кабинета в своей балетной юбочке.

— Папочка!

Я улыбнулся ей, захлопнул осиротевшую книгу, прогнал пелену с глаз. Оделись, пошли домой. Шел и все думал, как же стыдно, Боже мой! И извиниться не перед кем, сказать, что

понял и раскаялся, и купить новый такой черенок, дюжину черенков яблонь! Некому купить.

Перед сном долго ворочался, не мог заснуть. Жена медленно и спокойно дышала, я смотрел на ее спину, пока не провалился в беспокойные сны. Наутро жена застала меня в ванной, сидел, обливался слезами, как последний дурак.

Ночью мне приснился дед. Не в деревне, а просто... Просто без фона даже, не помню, что там подсознание нарисовало на заднем плане, да и неважно это. Стоял он молча и смотрел на меня. Был таким, каким помню его в детстве. Я его увидел и взмолился:

— Дед, прости меня!

Все плакал и просил: «Дедушка, прости!» Я в жизни никогда так не плакал, как в этом сне.

— Простил, — утешает жена. Гладит по голове. — Он простил.

Прерафаэлитский ангел

Он говорил «да» и говорил «нет», говорил «громче, громче!». И звук вырывался из тесных коробок инструментов. Взмах руки рассеивал тьму. Не было никого и ничего, кроме этих рук. Она смотрела на них, замороженная, в толпе насупившихся студентов. Сила гипнотизировала. Магический танец, ритуальные ритмы. Выводимые палочкой круги заклинаний.

Аплодисментов не случилось. Когти стульев оцарапали пол — оркестр закончил репетицию. Палочка отложена осторожно, словно опасное оружие, руки замерли. Темная фигура застыла, и молодые музыканты робко топтались в ожидании. Дирижер повернулся и сделал властный и в то же время небрежный взмах. Без единого слова группа студентов повиновалась. Тогда она заметила лицо преподавателя. Спокойное и сосредоточенное под серебряной короной волос. Он произнес негромко, но очень отчетливо:

— Что вы видели?

Студенты словно окаменели. Зал, еще недавно наполненный звучанием виолончелей и фаготов, кристаллизовался напряжением тишины.

— Варианты?

Руки, которые поразили ее магией управления музыкой, сложились на груди. Губы дирижера нетерпеливо поджались.

— Что вы смогли увидеть?

Тишина длилась слишком долго, растаявший в воздухе вопрос требовал ответа. Когда нервное напряжение аудитории достигло высшей точки, молчать стало невозможно, и она тихо произнесла:

— Работу мастера.

Однокурсники как-то тупо и недоверчиво уставились на нее, а дирижер отыскал ее глазами, и на секунду в уголке тонких губ мелькнула улыбка.

Ей нравился запах репетиционного зала: запах старого дерева — так же пахнут книжные полки, дерзкий лаковый дух новых инструментов, едва уловимая нотка парфюма красивой тонкой скрипачки. Нравился шелест нот. Нравилось смотреть на оркестр, но больше всего она любовалась руками дирижера — легкими, сильными, властными, гибкими, с жилками.

Каждый раз они смотрели, как репетирует оркестр, а потом начинали занятие. Пальцы неуверенно чиркали воздух. Временами на факультативе преподаватель подходил к ним и выправлял положение рук. Однажды подошел и к ней. Мгновение дирижер критически оценивал дрожащую тонкую ладошку. Потом мягко обхватил ее, поворачивая в нужную сторону. Мир совершил кувырок, пальцы онемели, и она не знала, хватит ли сил устоять. Алиса почувствовала запах тела, но не отстранилась. Она ощутила запах дерева, обожженной глины, крепкого чая из детства, с индийской принцессой на коробке, а еще глубокий, чуть сладковатый аромат, который трудно описать, — мускус.

В руке дирижера ее пальцы оказались мягкими и податливыми, словно воск. Вылепив свою композицию, он удовлетворенно кивнул и ушел. Несколько мгновений воздух ощущался теплым и ароматным облаком. Она закрыла глаза и попробовала представить услышанный запах еще раз.

Прилежная ученица, в комнатке общежития девочка по часу водила острым концом рисовальной кисточки в воздухе, воображая отточенность движений. Но ее руки были слабыми, кисть затекала, а мышцы болели. Гораздо приятнее сесть за фортепиано. Тугие и гладкие клавиши казались понятнее. Она нажимала их, и тонкие пальцы утопали. Потом вступала правая рука — хрустальные капельки. Гроздька капелек. Дождь капелек. Чистый и прохладный. Однажды, открыв глаза после нежной импровизации, Алиса обнаружила рядом однокурсни-

цу, облокотившуюся на покатый лаковый бок инструмента. Она смотрела вдаль и думала о чем-то своем. Когда упала последняя капелька, взор искушенной и измученной музыкальной школой студентки затуманился, и она с благодарностью посмотрела на Алису, словно заново открывшую для нее красоту звучащей мелодии, избавленную от ненавистного академизма.

Тем утром ласковый солнечный свет полновластвовал в аудитории, подсветив пылинки и сонные лица студентов. Одно лицо выделялось особенно. Окруженное золотым солнечным ореолом, оно казалось почти прозрачным. Волосы, глаза, ресницы и кожа были настолько светлыми, будто сами излучали свет в сером пространстве класса. И он заметил ее лицо.

Начал выделять ее взгляд в аудитории среди других — скучающих, заискивающих, призрачных от смартфонов лиц. Иногда отвечал на этот взгляд своими темными искорками. Потом как-то увидел ее в другом классе. Застыл у двери, прикованный золотым свечением растрепанных волос и голосом, прилежно тянувшим гаммы. Тихим и плавным, не полноводным, не задорно звенящим — мягким и затихающим, стоит чуть отойти. Он простоял незамеченным у двери достаточно долго, чтобы прерафаэлитские черты окружили своим теплым сиянием все мысли в его голове. И чтобы добавить новое имя в список факультатива для одаренных студентов.

И она пришла в его творческую мастерскую. По-детски острые коленки торчали из-под свободного платья. Доверчивые глаза внимали каждому слову. Она отличалась от других студентов — заносчивых победителей музыкальных конкурсов. На ее мягком свете взгляд упокаивался, отдыхал, грелся. Но и победительницей конкурсов она не была. Хотя это не обсуждалось.

— Алиса, — напомнила девочка, и дирижер легко усмехнулся, более подходящего имени для нее и представить нельзя.

Алиса приходила часто и засиживалась долго, чтобы он успевал сказать больше. Сначала студентка просто слушала,

теребя в руках уголок невероятно длинного шарфа. Потом стала робко задавать вопросы, боясь глядеть прямо и показаться смешной. Как же страстно она хотела услышать ответы! Она наконец все поняла. Наконец кто-то ей объяснил нечто важное. Теперь-то все понятно и просто. Другие ребята покидали мастерскую, а она задерживалась, чтобы задать новый вопрос.

И он отвечал, небрежно откинувшись в своем кресле. Грелся в сиянии золотой девочки и неспешно повествовал. Иногда вопросы были по душе, но больше ему нравились серые капельки глаз — в них читалось нескрываемое восхищение. И так прошел месяц. А потом Алиса попросила поправить положение ее рук для упражнения, которое не получилось. И он подошел. Ее ладонки были маленькие и теплые, а волосы пахли растертой в пальцах мятой. Она подалась навстречу, разрешая вдохнуть ее запах и даже коснуться носом волос. Разрешая тронуть выбившуюся прядку.

— Прерафаэлитский ангел, — говорил он потом, глядя ее по золотистым локонам. И она улыбалась, не очень красиво, но совершенно трогательно.

Алиса едва ли не поселилась в творческой мастерской. Задыхаясь от счастья, она варила кофе, обнимала огромную арфу, училась понемногу играть на ней, кружилась среди инструментов, когда никто не видел, и забросила все на свете. Это все казалось таким далеким и неважным. Она не замечала откровенно презрительных взглядов однокурсниц. Только его руки, взлетающие и взлетающие перед послушным оркестром.

Когда на его концерте появилась ничем не примечательная женщина средних лет, она и ее не заметила. Какая разница, ведь Алиса придет в мастерскую снова, а там нет никаких женщин, только она. Он не смотрит на жену, он ее даже не видит. Алиса почувствовала укол ревности лишь единожды, когда маленькая девочка лет пяти вскарабкалась на сцену, чтобы подарить отцу букетик. Дирижер нежно поблагодарил малютку, и Алиса испытала странный зуд в «сердечной ямке». Ей хотелось выбежать на сцену и оттолкнуть ребенка. На сцену нельзя детям. Почему ее никто не уведет?

Когда Алиса заходила в общежитие, то не расставалась с телефоном. Потому что вопросы никогда не заканчивались, а диалог казался бесконечным. Ей хотелось все время ощущать его присутствие. Немедленно ощущать. Безответные сообщения мучали, как мигрень. А значок «печатает» заставлял ее сердце бешено биться о ребра. Когда он не отвечал сейчас же, чувствовала ноющую боль. Становилась сама не своя, металась по комнате, в ночи срывалась в мастерскую, ночевала на бетонном полу под дверью, а потом бледной тенью слонялась по корпусу, ища глазами *руки*. Гул голосов вокруг про зависимость и возмутительное поведение перешел на *forte*, но ей не становилось легче. И только сложившись в теплый комочек рядом с ним она чувствовала себя живой и могла дышать.

Однажды он не отвечал несколько дней. Прометавшись в бреду сутки, Алиса самым бесстыдным образом вызнала домашний адрес преподавателя и села в трамвай. Она тихо скреблась в дверь, но никто не открыл. Девочка понуро опустилась на дворовую скамейку. Тогда он сел рядом с ней. Алиса так давно не ела, что изображение знакомого лица покачнулось, и девочка не сразу поверила в его реальность.

Мягко остановил протянутую руку.

— Алиса, тебя стало слишком много. Это не может так продолжаться, — сказал он и исчез.

Он смотрел из окна, как Алиса шаркала в сторону остановки. Его ужаснула потухшая серая сутулая фигура в бесформенном платье с длинными спутанными волосами. Сумасшедшая. И уши-то как нелепо торчат, господа.

Она тоже исчезла. Казалось, воздух перестал проникать в ее легкие. Безвкусные дни сливались в бесцветные недели. И все же Алиса не прекратила искать встречи с дирижером. Она заучила его утренний маршрут и расписание, но он всегда терялся среди коллег и студентов и казался неуловимым миражом. На занятиях преподаватель перестал обращать на нее внимание и смотрел сквозь, как тогда — на свою жену.

Перед отчетным концертом Алиса придиричиво изучила свое отражение в зеркале. Она расчесала золотистые волосы, надела бархатное платье и взяла у подружки кроваво-алую помаду. Несколько человек даже сделали ей комплименты.

Стали играть. Вышел оркестр. Долго двигал стульями, неспешно извлекал партитуры. По взмаху дирижера инструменты запели. Алиса не прекращала следить за танцем рук, который казался ей таким же восхитительным, как и в первый день знакомства. Наконец зал зашумел одобрительным гулом аплодисментов. Дирижер особенно представил одну скрипачку — тонкую девочку с горько-шоколадными волнами волос, уверенной улыбкой и большими карими глазами, опущенными темными ресницами. Дирижер бережно помог ей выйти для исполнения соло.

Они играли какую-то тревожную и бесконечно тоскливую мелодию, и Алиса ненавидела мятежную скрипку. Альты и скрипки жалобно скулили, им вслед подвывали кларнеты. Не в силах выносить скрипачку, скрипку и ее мелодию, Алиса отвернулась. В зале она вдруг встретилась взглядом с красивыми, спокойными и холодными глазами, которые видимо давно ее изучали. Алиса посмотрела прямо, без запинки и стеснения. Выдержав паузу, она отвела затуманенный слезами взгляд. Свет погас. Концерт продолжился, но девочка не досидела до конца.

Кутаясь в пальто и старый шарф в пустом холле, Алиса услышала неторопливые шаги. Каблуки мягко тонули в ковролине. Девочка насупилась, теребя в руках берет. Ее плеча коснулась легкая изящная рука. Алиса почувствовала тяжелый смородиновый аромат, смешанный с запахом смоченного дождем асфальта.

— Это пройдет, — одними губами, почти беззвучно произнесла та женщина. — Всегда проходит.

Алиса провожала ее взглядом, пока та не растаяла в тяжелом бархате театральных портьер. Девочка толкнула дверь и вышла на улицу. Вдохнула воздух городского вечера. В голове настойчиво звучала какая-то мелодия. «Я сыграю ее», —

сказала себе. «Нет», — тихо ответил уставший голос внутри.
«Ладно». Тишина. «Но это пройдет?»

«Да. Все проходит».

Среди людей особенных

Все говорят, что нужно кем-то мне становиться. А я бы хотел остаться собой.

Виктор Цой

Инга попала в настоящее тайное общество. В кафе при журкорпусе посторонним просто так не проникнуть. Нужны карточки или какие-то пропуска, но их впустили по волшебному паролю: «Мы с сестрами Оршанскими».

Компания комфортно разместилась за столиком. Ингу не покидало ощущение приобщения к чему-то непостижимому и прекрасному — возможно, прямо на этой лакированной столешнице писалась повесть, а в этом кресле сидел именитый режиссер. Она как бы невзначай погладила подлокотник, чтобы в прямом смысле прикоснуться к необыкновенной атмосфере.

Инга знала, что все семейство Оршанских имело какую-то загадочную принадлежность к журкорпусу. Заслышав эту фамилию, местные работники кивали головой в знак молчаливого одобрения и уважения. Сестры Рена и Кира Оршанские не работали в журкорпусе, но работали на него. Они должны были явиться с минуты на минуту, и молодой художник Миша Лауниц, самый прилежный поклонник сестер, не спускал глаз со входной двери.

Инга огляделась по сторонам. Она уже несколько раз бывала в этом необычном заведении для людей *особенных*, творче-

ской элиты. До сих пор не верилось, что ей удалось попасть в их круг, не имея ничего общего ни с творчеством, ни тем более с элитой. Ингу это очень тяготило. Вообще-то называть ее Ингой придумала младшая Оршанская — Кира. Провинциалка по имени Ира Храпунова никак не могла появиться в компании сестер Оршанских. Вот Инга — другое дело.

Ей ужасно нравилось новое имя и образ богемной дамы. Такие исходные данные, как имя, место рождения, статус семьи были для нее невыносимы. Бедный шахтерский городок, родители-алкоголики, недополученное образование бухгалтера — свое прошлое Инга ненавидела истово. Перебравшись в маленький, холодный съемный, но столичный угол, каждую ночь Инга обещала себе: она будет другой.

Конечно, про родителей и шахтерский городок никто не знал. У нее имелась легенда: Инга презрела дебет и кредит, открыв в себе безудержный творческий потенциал. Все понимающе кивали. Сначала она, разумеется, хотела поступить на актерский. Потом одумалась и не без протекции сестер Оршанских прикипела к столичной галерее современного искусства, где оказались востребованы ее организаторские способности. Там Инга работала кем-то вроде помощника галериста. Без образования и таланта. В общем, знакомство с Оршанскими оказалось самой большой удачей, которая только могла случиться в ее жизни.

Инга поймала на себе лукавый взгляд мужчины за соседним столиком. Как любая некрасивая женщина, она была прекрасно осведомлена об этом досадном недостатке. Инга отлично знала — человеку за соседним столиком есть, что разглядывать, черты, делающие ее не просто некрасивой, а настоящей дурнушкой: квадратный совсем не женский подбородок, бесформенное тело, лихорадочно алеющую кожу. Да, она отлично знала этот взгляд, полный радости обнаружения чужого порока, и в то же время взгляд презрительного отвращения. Раньше, поймав его, ужасно стыдилась себя. Но с годами прошло. Она подняла голову, посмотрев любопытному мужчине прямо в глаза, поджала губы

и принялась плотно набивать свою черную трубку. Мужчина за соседним столиком незамедлительно заинтересовался лепниной.

Сестры появились в тот момент, когда подали кофе. Все сразу оживилось, Миша взлетел со своего стула, чтобы помочь девушкам снять верхнюю одежду. Инга тоже присоединилась ко всеобщему ликованию, даже дыхание затаила, когда искренняя улыбка Киры засияла всем и сразу. Она всегда любовалась Кирой. Когда Ира Храпунова смотрела на младшую Оршанскую, в ее голове крутились строчки из песни: «У нее удивительно длинные ноги, и глаза восхитительно синего цвета». Маленькую, хрупкую, как балерину, изящную и обаятельную Киру Оршанскую любили все. За доброту, женственность и мягкий теплый свет глаз.

Кира талантливо пишет, это все знали. Она журналистка в самом интересном и *элитном* издании, которое только можно представить в столице. Чтобы попасть в число авторов такого журнала, нужно иметь большие связи, уровень *intelligence quotient* нобелевского лауреата и семью, принадлежащую к новой исторической общности. Другой бы сказал: ну конечно, просто папа место устроил. Красивая такая, зато злая, наверное, втайне обижает щенят. Ведь люди не могут перенести чье-то моральное и физическое превосходство, оно становится для них поистине тяжелым грузом.

Но про Киру решительно нельзя предположить ничего дурного. И место в издании за ней столько лет, просто потому что Кира очень талантлива. Ее статьи Инга читает с большим удовольствием, даже выписывает удачные обороты. В нанесении тяжких обид щенкам Кира также не замечена. Она скрывала, но все знали: Кира волонтер — ездит в Непал с гуманитарной миссией помощи детям. Все было так восхитительно, что у Инги просто дух захватывало. Ей нравилась эта маленькая Одри Хепберн, милая, словно диснеевская принцесса, красивая без лишней краски. Вокруг нее столько необыкновенных людей, Кира бывает в потрясающих местах. Инге нравилось, как она говорит, как сидит, как смеется. Инга завидовала и ку-

рила. Было чему завидовать: у Киры Оршанской имелось все, что хотела бы Ира Храпунова.

Завязалась беседа. Художник Миша Лауниц, подающий большие надежды, смотрит на Киру замороженно. Молодой режиссер Маргарита Герген рассказывает о своей новой задумке. С ней спорит студент ВГИКа. Старшая Оршанская — Рена — заинтересовалась и внесла несколько интересных и глубоких замечаний. Рена была старше сестры на несколько лет. Она занималась языками и работала консультантом в международной корпорации. Чуть более грузная и серьезная, чем сестра, она имела ровно в полтора раза меньше поклонников.

Инга в основном слушала. Слушала яростно. От нее не ускользало ни одно новое имя или название. Временами она делала пометки о том, что прочитать. Условия были неравными. Сестры Оршанские росли среди монографий, памятников литературы и свободно поддерживали беседу о чем угодно. Временами Инга просто не понимала, о чем говорят все эти люди, выдающие небрежные реплики о Гринуэйе, Честертоне и Леонарде Коэне. Она боялась нечаянно продемонстрировать собственную невежественность.

Однако никто особенно не рвался услышать ее мнение. По большей части Инга курила. Ограничивалась банальными словами, когда промолчать не было возможности. Много читала, любую свободную минуту. Слушала лекции. Словом, пыталась хоть как-то заполучить те знания, которые все в этой компании обрели едва ли не от рождения. Просто потому, что дома у них говорили Ришельё, а не Ришелье.

После кафе Герген повела всех на современную пьесу под названием «Дауншифтинг». Актеры декламировали, стоя на голове. Кто-то разрывал на груди одежду. Рена смотрела задумчиво, Кира с полуулыбкой. У Миши проступили слезы. Все восхищались. Рена выдала длинный монолог на тему образа зеленого абажура в русской литературе. Поэт Эн. Мисарев с видом скучающего принца зарифмовал несколько строк. Инге пьеса не понравилась, но она боялась сказать и признала вслух: «Пьеса, конечно, интересная».

Договорились, что завтра Миша займет очередь на выставку Мунка. Там по выходным очереди — до метро. Так Инга и ее новая столичная компания проводили время.

На даче у Оршанских были гости. Ингу пригласили в первый раз, поэтому она надела свое самое приличное платье, стыдливо обнажив мягкие крупные ноги. Очень волновалась — придется знакомиться с Оршанскими-родителями. В такие минуты Инге казалось, что из нее лучится провинциальность и каждый завиток волос, как тайный знак, дает понять: она чужая. Инга представляла, как Оршанские падают в обморок от ее нечаянного «чё».

Нервно сглотнула, нажимая кнопку звонка. Открыла Рена с бокалом вина в руке, всегда серьезная, собранная умница Рена. В разных частях дома велась оживленная беседа. В зале Оршанские-родители о чем-то спорили, сдержанно жестикулируя. Рена не спеша повела Ингу на веранду, где все собрались. Там ее ждала неожиданная картина: в центре композиции значился пышноволосяй незнакомец, восседавший на перилах. С ним было что-то не то. Когда заговорил по-английски, разъяснилось, что именно «не то»: он был иностранец. Вокруг на креслах, подушках и коврах сидели ребята. Кира внимательно слушала иностранца, временами длинно и быстро отвечая на английском. Миша Лауниц ерзал на стуле, ревновал и дулся. Повода не было: Кира не кокетничала.

Иностранец как будто рассказывал о своих путешествиях. Инга мало понимала — к стыду, английский она знала дурно. Беседа длилась целую вечность. Все смеялись. Инге почему-то стало скучно. Позвали к ужину, у стола Кира представила родителям нескольких новеньких из своей компании. Очень долго рассказывала про Закари — так звали иностранца. Родители-Оршанские вежливо слушали, Закари лучезарно улыбался. Нескоро очередь дошла и до Инги, но Оршанские скользнули по ней невидящим взглядом, не удостоив никакого комментария. Они что-то спросили у иностранца.

Инга вышла, было тоскливо. На крыльце с самым скучающим видом курил поэт Эн. Мисарев. Он помог ей раскурить трубку. Какое-то время стояли молча. Поэт спросил у нее, как ей тут нравится. Инга сделала кислую мину — поэт ухмыльнулся. Снова помолчали.

— Замерзнешь, — сказал поэт Эн. Мисарев.

— Нет, — ответила Инга, хотя ей давно стало зябко.

Тут поэт признался, что терпеть не может светские рауты. Пышноволосяй иностранец показался ему просто смешным, акцент Герген просто ужасным, ну а влюбленный художник Миша Лауниц — просто давно всем надоел. Инга рассмеялась. Ей понравилось.

Внутри что-то потеплело, и Инга вдруг сказала:

— Уважаемый Эн. Мисарев, не прочтете ли вы мне что-нибудь из ваших последних творений? — прозвучало глупо, но Инга понятия не имела, как общаться с поэтами.

Поэт с торжествующим видом воззрелся вдаль — на кроны деревьев. Потом начал читать, немного подвывая, как Бродский. В его стихотворении были какие-то сложные аллегории, в которых Инга увязла почти сразу. Но произведение показалось ей «конечно, интересным». Продолжили беседу внутри. Поэт Эн. Мисарев много и меланхолично говорил, Инга с удивлением обнаружила, что не только ей не нравятся современные пьесы и другие странные вещи, которыми увлекались интеллектуалы в их компании. Было забавно. Инга вдохновенно слушала.

Одевались. Поэт Эн. Мисарев коротко попрощался. Потом, глядя на ее покатые плечи, не в глаза, как будто нехотя предложил Инге как-нибудь продолжить «нескучную беседу». Инга, конечно, согласилась. Даже слишком радостно, за что корила себя всю дорогу до дома.

Инга находила в поэте Эн. Мисареве что-то печоринское. На вещи он смотрел печально, с притаившейся усмешкой в уголке рта. Заказали выпить. Инга поймала свое отражение в далеком зеркале и улыбнулась — сегодня она почти хороша.

Поэт опять много говорил. Временами Инга порывалась рассказать о себе, но ее история не имела успеха. Эн. Мисареву было интереснее про свою цветаевскую нелюбовь. Инга недоумевала, за что можно не любить великого поэта. Ее спутник улыбнулся и пообещал принести кое-какие мемуары.

С легкостью завсегдатая крафтовой пивоварни поэт Эн. Мисарев заказывал разные сорта пива. Он пил быстро и скоро захмелел. Инга совсем замолчала. Говорил поэт. Долго и обстоятельно объяснял, что он не любит. В какой-то момент Инга поняла, что находится на пьяной исповеди. Он рассказывал несусветные гадости про тех, с кем в компании был так дружелюбен, кому посвящал стихи. Сквозь мутную пелену винного сознания Инга ощущала подкатывающее отвлечение. Свет в пабе стал неприятно резать глаза, стул показался слишком твердым, а спина затекла.

Вызвали такси. Позже Инга не могла себе внятно ответить, почему согласилась поехать. Ехали по ночному проспекту, темнота душила, поэт Эн. Мисарев тяжело дышал рядом. Очень уверенным для пьяного человека движением он положил руку на отрез юбки, а другой рукой потянул к себе. Инга почувствовала отвратительное кислое пивное дыхание и дернулась. Поэт проявил настойчивость. Такси затормозило на светофоре. Поддавшись панике, Инга выскочила из машины прямо на проспекте. Поэт смотрел на нее со скептическим презрением. Взбешенный таксист с визгом рванул вперед. Несколько машин объехало задыхающуюся от унижения девушку.

Шла к метро, еще ощущая на шее горячее пьяное дыхание. Было противно и гадко. Потом отчего-то стало страшно, и в глазах застыли слезы от обиды и отвращения к самой себе.

В компании никто не обратил внимание на перемены в настроении Инги. Она никогда не была улыбчивой, а теперь просто стала больше курить. Поэт Эн. Мисарев не достаивал ее даже взглядом. Инга, словно заразившись его мрачным равнодушием, скучала и презирала. Однажды она громко и невпо-

пад рассмеялась, когда поэт расхваливал сценарий Герген, о котором наедине высказывался самым уничтожающим образом.

Застыла, ожидая немедленной казни, но не случилось ни неловкой паузы, ни оскорбленного взгляда. Сардонического смешка просто никто не услышал. В тот момент Инге срочно захотелось сделать что-нибудь странное — встать на голову и начать играть ту пьесу или закричать посреди комнаты, как кричат пьяные — ни с того ни с сего, в пространство, в чужие уши. Или заплакать, и чтобы все утешали. Инга стояла со своей трубкой среди оживленных групп ее приятелей. Стало невыразимо, физически невыносимо скучно. Она медленно взяла пальто и тихо прикрыла за собой дверь. Никто не заметил.

Пыльная городская гладь. Воспаленные глаза в метро, полудрема, несколько эскалаторов и старый подъезд. В чужом холодном доме, где чай всегда без сахара, а раковина на кухне с тысячелетним налетом, Ингу ждало сообщение из другой жизни.

Последний раз она видела тетю Нину в глубоком детстве, наверное, как раз до ее отъезда в столицы. Инга пыталась вспомнить ее вид или ощущения от разговора и прикосновений, но блики детской памяти не складывались в единую картинку. Она была родственницей по отцу. Или нет. Не спилась, уехала. Кажется, ее не любили за это. Теперь они оказались в одном городе, тетя Нина узнала и пишет ей. «Зачем пишешь?» — думала, ворочаясь в постели Инга, мысль о встрече и «выпей с нами, дорогая родственница» казалась противной.

На следующий день Инга долго думала, стоит ли звонить вновь обретенной тетушке. К вечеру не выдержала и набрала указанный номер. Ответили не сразу, но обрадовались и звали в гости. Инга почему-то согласилась — теперь уже неловко отказывать. «Если что, быстро уйду, придумаю предлог», — успокаивала она себя.

Наступили выходные. Инга шла в гости нехотя, скучая. Тетя Нина жила в чистеньком районе. Дома у нее тоже было чисто,

это Инга сразу заметила. Ей понравилось. Снимая обувь, она ощутила запах порошка в одной части квартиры и вкусного обеда в другой. Тетя Нина оказалась веселой женщиной с теплыми округлыми руками и светлыми серо-голубыми глазами. Она обняла Ингу как родную и пригласила за стол. У тети Нины имела дочь-школьница. Ее очень заинтересовала работа Инги. Они удивлялись, восхищались и все время спрашивали. Видимо, тетя Нина была приятно поражена, и не меньше, чем Инга.

Из духовки тянуло чем-то невозможно вкусным. Весь вечер пили чай и говорили. Про родителей — с болью, про работу — с интересом, про Ингу, много говорили про Ингу, хотя тетя Нина называла ее Иришей. Гостя не стала поправлять, ей стало так уютно в домашнем тепле. Смотрели старые фотографии, тетя Нина рассказывала о том, как непросто оказалось переехать и начать все с нуля в большом городе. И снова пили чай.

В какой-то момент Инга вдруг ощутила покой. словно ее на большом надувном круге покачивало вдали шумного и людного морского берега, и остались только тишина, плеск волн и всеобъемлющее солнечное тепло. Инга улыбалась. Она не продумывала ответы и не сравнивала себя ни с кем в ту минуту. Она просто была. Была Иришей, которую рады видеть. Рады спросить. Рады услышать ее мнение. Не притворяясь — была. Сказав — услышана.

«И правда, какая у меня интересная работа», — думала она по пути домой.

Найти брата

Кто-то неторопливо повернул ключ. Кувырок в замке — и тяжелая дверь открылась, впустив в темноту пустой квартиры свет, звуки и жизнь. Порог переступила маленькая женщина в дорогом кремовом пальто. Вздохнув, она опустила кожаную сумку на пол и стала не спеша раздеваться, иногда в задумчивости задерживая пальцы на гладких пуговицах. Жалобно мякнула кошка, выбежавшая встречать хозяйку. Кошка порядком одичала за день и принялась приветливо тереться о хозяйскую руку. Женщина что-то ласково шепнула и, наконец управившись с верхней одеждой, поставила на положенное место красивые сапожки без единого пятнышка уличной грязи.

Пожалуй, она была слишком суха для своих лет. В ее годы многие женщины расходятся в ширь и удаль бойкой матроны. Но она оказалась лишена обильной еды, продолжительной вахты у плиты, как и по-домашнему пышных форм женщин, познавших рождение дитя. Сухость и жилистость ее тела говорили об энергичности и многих часах, оставленных на работе за профессорской кафедрой.

Женщина тихо вошла в прекрасно обставленные комнаты, останавливаясь то у окна, то у стола, и разместилась в кресле, наклонившись, чтобы размять нывшую стопу. Позади была насыщенная неделя и научная конференция. В голове еще как будто гудели голоса, пронеслись мысли и интересные идеи, которые предприимчивый мозг вынес из докладов. Во рту оставалось приятное послевкусие от половины бокала «Shiraz». Привычная тишина квартиры прерывалась мягким

шумом от передвижения кошки, с наслаждением приступившей к своему ужину, и тиканьем роскошных винтажных часов. Впереди предстояли тихие и безмолвные выходные.

Уставшая, она закрыла глаза и, облокотившись тяжелой головой на руку, прислушалась к тишине своего дома. Тишина городской квартиры не была безмолвием в действительном смысле слова. Дом гудел, издавал грудной звук «ту-у-у», напоминающий потуги трубы разыгаться в полную мощь, будто уставший музыкант силился выдуть из инструмента застрявший предмет.

Обычно эта тишина не тяготила: на горизонте всегда маячило завтра с его событиями. Но сейчас вдруг появилось ощущение, что никакого завтра нет, а длинные праздники всего лишь продолжительное вынужденное ожидание чего-то большего. Новой недели, рабочих будней, наполненных пчелиным смыслом: работа — результат.

Дома профессор престижного учебного заведения превратилась в маленькую женщину, которой и являлась от природы. Откинувшись в кресле, она стала размышлять о погружении в три безработных, безлюдных, бесшумных дня. С каждым футом морской воды этого погружения в грудной клетке становилось все меньше места, приятное удовлетворение от прошедшей плодотворной недели сменялось холодной тоской, заполняющей легкие. Она спрашивала себя: по кому эта тоска или по чему? Откуда взялась и зачем нужна? Не по большой любви, не по чьему-то ночному храпу в постели, не по юности, которая не была счастливой.

Мысли перетекали одна в другую, обрывались, начинались, таяли, ответа на вопрос не приходило. Но вдруг старое детское воспоминание осветило ее изнутри, от догадки она даже открыла глаза и сосредоточенно взгляделась в зыбкую рябь бликов на потолке. Воспоминание тем временем разгоралось, загоралось, пока не застыло на горизонте алым кругляшком заходящего июльского солнца. Она идет по остывающей пыльной дороге босиком. Ступни не колет трава, и не режут камни — они привыкли. Загорелые ноги сплошь искусаны комара-

ми. В ладошке ручка от авоськи, в авоське банка молока. Из-под крышки от тряски пролилось несколько капель, и девочка преодолагает желание облизать их. Молоко теплое и сладкое, кремное на вкус. Сейчас такого не существует в природе. За другую ручку авоську несет мальчик, ниже ростом и младше на несколько лет. У обоих детей одинаково до белесы выцвели волосы. Мышцы на руках и на ногах устали от целого дня — до одури — купания в теплом озере с илистым дном. Чтобы не получить наказание, наперегонки бросились за молоком и теперь уж возвращались назад. Калитка, еще крепкая, свежеекрашенная, дом с раскаленной от жаркого дня крышей, ведра с клубникой на варенье. Брат крадет ее оттуда и, смеясь, всю ладошку сыпет в рот.

Несколько безмятежных каникулярных лет девчонкой она проводила в гостях у двоюродного брата на какой-то далекой даче. И там, в отличие от ее тихого по-музейному стерильного дома, можно было все: расшибать колени, катаясь на велосипеде, не чистить зубы на ночь, обедаться вредной едой, бегать и громко разговаривать. А потом в один год мама — аккуратная интеллигентная женщина с холодными серыми глазами — спокойно и твердо сказала, что больше там гостить не следует. Девочке не объяснили почему, но по заговорщицкому шепоту взрослых она поняла, что произошло нечто страшное, не должное касаться их семьи и дома с лакированными сервантами, полными книг, папиным кабинетом, чистыми полами и чистой репутацией. Поначалу она скучала по пруду, велосипеду и совместным играм с братом, но родители объявили, что этим летом они едут в Крым. Больше она того светлого мальчика не видела и не интересовалась его судьбой. Об этих родственниках в домашнем кругу не упоминалось.

Где этот мальчик? Что с ним теперь? Как он носил молоко до дома один? Кем он стал, в конце концов? Эти вопросы возникли сами собой, а смех большого семейного застолья звенел в ушах, когда она проваливалась в тяжелый сон.

Пухлые руки несут противень с сухарями, под ногами, неистово радуясь, крутится пес. Они с братом едят блины, де-

лая в них смешные дырки пальцами — маму бы хватил удар, если бы увидела. Смеются, запрокидывая голову, зачерпывая из банки полную ложку сгущенки. Вдруг кухня наполняется людьми, их становится все больше и больше, лица плывут мутными пятнами, они шумят, страшно, брата больше не видно и отчего-то ужасно стыдно за этих людей. Все больше людей, сейчас ее сожмут, она задохнется, мало воздуха, так мало воздуха...

Мышечная судорога вернула тело к реальности. Она сидела, откинувшись на кресле, задремав в неудобной позе, отчего шея сильно затекла. В комнате стало душно. Женщина тяжело встала, открыла окно, и с улицы тут же пахнуло влажным осенним воздухом, вдоволь искупавшемся в свете разноцветных фонарей. «Почему бы не найти брата», — подумалось ей.

Это внезапное решение принесло облегчение, граничащее с крайней степенью усталости. Она погасила свет и уснула беспокойным сном, состоящим из обрывков детских воспоминаний с постоянной подменой места — вот они с братом на пруду, но пруд не на даче, а почему-то во дворе многоэтажного дома, и стыдно идти купаться, и хочется одеться и спрятаться от многочисленных окон.

Тревожные сны оставили ее только на рассвете. Утро попало в ловушку плотных штор, украшенных пухлыми кистями. Мягкий, иллюзорно-призрачный свет поздней осени едва справлялся с обязанностью освещения комнаты. Женщина какое-то время лежала, не шевелясь в утренней слабости. В грудной клетке просыпалась тревога, словно от незавершенного со вчера дела. Она ощущала непонятный покалывающий дискомфорт, как от неприятной занозы в нежной части ступни. Потом вдруг вспомнила все и разом, резко села на кровати, строя догадки, где может пылиться старая записная книжка из других, прошлых времен.

Книжный шкаф был укрыт от глаз и пыли красивой дверцей. В нем притаились научные подборки, собрания сочинений, некогда выкупленные за большие деньги, старые потрепанные и новые — страничка к страничке — уважаемые книги.

Пришлось взять табурет и осмотреть верхние давно невогребованные полки. Где-то за Лосским и Фрейдом, которого по воспоминаниям в их семье многозначительно называли Фрёмдом, нашлись старые записные книжки. В одной из них обнаружился заветный номер телефона, аккуратно выведенный черной пастой. Это был домашний номер, и про себя обладательница мучительных воспоминаний лелеяла надежду, что городской телефон квартиры брата не вымер вместе с ма-монтами.

Нервничая, набрала номер. Спустя несколько гудков там ответили. Тревожный женский голос терпеливо выслушал внезапный, но краткий монолог. Представился женой брата и немного помялся. Согласился встретиться, предложил приехать на выходных. Может, завтра? Можно и завтра, отчего же нет, у брата, как выяснилось, тоже выходной. Записала адрес. Попрощалась, голос оттуда стал еще тревожнее. Положила трубку и попыталась представить брата и его жену. Они виделись ей веселой супружеской парой из тех, у кого всегда пир горой, сотня-другая рецептов гостевых салатов, шумные дети и непременно пушистый безродный пес — все, как в детстве.

По пути заскочила в хорошую кондитерскую за тортом. Теперь он аппетитной воздушной горкой возвышался на заднем сиденье автомобиля, перевязанный яркой лентой. Из колонок доносился глубокий голос джазовой дивы — осенью она находила в джазе особенную прелесть. Где-то внутри нарастало приятное волнение: сейчас они с братом увидятся и вспомнят былые времена. Ее немного смутило, что по телефону она говорила не с ним. Найти брата оказалось как-то слишком легко. Ну что ж, вряд ли он против ее приезда. Она попыталась прогнать непонятную тревогу.

Плотная городская застройка сменилась невнятным тухлявым пригородом. Дорога петляла туда и сюда, безразличный голос навигатора долгое время путеводил по дворам, пока они не миновали допотопного года чумные деревянные бараки и не остановились у рыжей пятиэтажки. Она огляде-

лась. В детстве все было по-другому. В детстве всегда по-другому.

Пока доставала торт, наступила в грязь у бордюра, пришлось еще какое-то время потратить на приведение обуви в порядок. Темная неподвижная фигура следила из окна за процессом сапожной полироли. Когда она закончила, фигура колыхнулась и погрузилась во тьму квартиры. В подъезде в нос ударил резкий запах кошачьего амбре, и неожиданная гостья непроизвольно брезгливо поморщилась. На каждой лестничной клетке бытовали банки, из которых, как поникшие цветы, свисали скрюченные окурки. Наконец рубеж четвертого этажа был преодолен.

Неприятный резкий звонок. Щелчок. Здравствуйте.

Дверь открыла жена брата. При виде вновь обретенной приветливой родственницы она напрягла все мускулы лица для создания гостеприимной улыбки. Уголки рта нервно дернулись. Она много суетилась, помогая гостье раздеться, приговаривая все, что полагается бормотать радушным хозяевам, и негромко покрикивала на любопытную гомонящую детвору. Жена брата была округлая женщина в годах. В окрашенных дешевой краской волосах предательски виднелись тонкие серебристые полоски. Она очень старалась изобразить расположение, и это желание пригибало ее к земле. Хозяйка согнулась и все суетилась: куда помягче посадить, какого чаю принести, подать ли тапочки.

От видавших виды тапочек гостья отказалась, хотя пол был холодный и местами нечистый. Это не ускользнуло от внимания неподвижно сидящего в кресле мужчины, которого близорукая гостья поначалу не заметила. Он смотрел телевизор, наблюдая за вошедшей в дом немного искоса, как бы нехотя. Она поздоровалась, широко улыбнувшись от радости и чуть подавшись вперед, готовая к семейным объятиям. Но он не встал и не пошел к ней навстречу, довольно холодно ответил на приветствие и продолжал равнодушно смотреть на экран, где показывали какое-то воскресное комедийное шоу. Зрители на экране гоготали, но он не улыбнулся ни разу.

Это немного остудило ее пыл, в старой квартире сразу стало неуютно и все показалось ей чужим, засаленным, неприятным. Она мягко попыталась завязать диалог, извиняясь за внезапное вторжение, рассказала о своих воспоминаниях. Брат молча слушал, но ничто не дрогнуло ни на его лице, ни в потаенной невидимой собеседнику глубине, когда она с ностальгией рассказывала о жарком вечере и банке с молоком.

Наконец с кухни вернулась хозяйка с мисками майонезных салатов и стала пенять мужу, что он не пододвинул к госте старый журнальный столик на колесах. Брат неторопливо встал и направился к столику. В грузном взрослом, пожалуй, слишком взрослом человеке было трудно узнать того веселого мальчишку. Шуршащие домашние спортивные штаны с полоской на боку, просвечивающая от носки синтетическая футболка, обрюзгший живот, крупное красное лицо, каких она боялась в детстве, создавали отталкивающее впечатление.

За столом завязался какой-никакой светский разговор. Его жена все подкладывала еды, приносила и то, и другое, спрашивала о работе, с пониманием кивала. Чем больше гостя рассказывала про свой жизненный путь: университет, диссертация, интересная работа, преподавание, тем больше сходились морщинки на лбу у ее брата, тем легче он наливал себе стопку за стопкой какой-то подозрительной наливки.

Она хотела не смотреть, но ее взгляд все останавливался на его больших потрескавшихся руках, выдававших долгие годы тяжелого физического труда. Ногти на этих руках были небрежно искромсаны, под ними виднелась черная полоска грязи. Супруга брата как раз закончила рассказ об успехах своих троих детей и видно особо гордилась старшим. О том, что мальчик пошел в десятый класс вместо техникума, рассказывала почти с придыханием. Из другой комнаты появился угловатый высокий парень, смотревший исподлобья. Поздоровавшись, он покрылся красными пятнами.

Ей вдруг показалось, что этот мальчик больше похож на ребенка из ее воспоминаний о брате, нежели брат настоящий, выросший и угрюмый. Она приветливо расспросила его о шко-

ле и немного рассказала о своей работе. Старшеклассник скоро перестал жаться и с интересом спрашивал ее о темах лекций и преподавании.

Это произошло, когда она предложила мальчику приехать на день открытых дверей в их университет. Брат перебил ее и дрожащей рукой протянул рюмку с наливкой. С вызовом он предложил ей выпить. Все члены семьи молча и как-то тупо уставились на рюмку. Гостья тихо отказалась. В мутных глазах брата зажегся нехороший огонек. Он развел руками в присутствии алкогольного благодушия, мол, обижаете, сударыня, выпивайте, раз предлагают. Она снова отказалась, но это лишь раздражило его пыл, и каждое новое предложение выпить было все тверже и агрессивнее. Стало не по себе. Хозяйка дома, привыкшая к выходкам мужа, стыдилась и просила его перестать.

Брат тяжело перевел взгляд на жену и сказал: «Он никуда не поедет с ней». Сын насупился и смотрел в пол, хозяйка все называла супруга по имени, пытаясь утихомирить бурю. «Я университетов не кончал! И что я — не человек что ли?» — спрашивал брат неизвестно у кого. Гостья пыталась что-то сказать, но он перебил и в своем порывистом монологе все приговаривал: зачем приехала, покрасоваться приехала, как на тлю смотрит. Он бешено блуждал глазами по комнате, изо рта вырывались большие слова, взмах рукой перевернул рюмку, и едкая зловонная жидкость разлилась по клеенчатой ска-терти.

Взяла сумку и ушла. Вслед разразилась нецензурная брань, провожать никто не стал. Она услышала упреки хозяйки в сторону буйного мужа, а когда, спешно одевшись, оглянулась — увидела потухший взгляд мальчика, наблюдавшего за ней. В голове пронеслось беззвучное «прости», хотя она не понимала, за что перед ним извиняется.

Погода испортилась. Накапывал дождь, и осеннее небо прижалось к земле, будто прося немного тепла, спрятанного под листьями, и исходившего из них влажным паром. Бывают дни, когда происходящее кажется чем-то нереальным. При-

думка отчаянного постмодерниста, исковеркавшего оригинальный сюжет жизни до неузнаваемости, до абсурда, словно ткань реальности прохудилась, и из-под нее проглядывает сонный полумрак со странными видениями, где ты один во враждебном месте и пытаешься добраться до дома.

Навигатор отправлял из одного двора в другой, и она никак не могла выехать из грязного, брошенного жизнью и прогрессом микрорайона. С ржавых турников капала вода, когда проезжала мимо очередного, похожего на десятки прочих безликого облезлого пятиэтажного дома, редкие прохожие провожали ее машину враждебными взглядами. Чувство запятнанности не оставляло и ощущалось почти физически, она хотела сейчас же принять душ, чтобы отмыться от кислого запаха квартиры брата и его слов, выбросить колготки, к которым налипли крошки, впивающиеся в кожу. Навигатор вдруг умолк. Она заблудилась. В легкой панике женщина остановила машину и опустила тяжелый горячий и пульсирующий лоб на холодные ладони. Что произошло?

Что произошло с детьми, когда дачный домик был покинут навсегда? На какой прием она рассчитывала в чужой семье, что ожидала увидеть: ожившие картинки из детства, бабушку с блинами, крынку молока, мальчика, который знал все ее детские секреты? Осознание собственной чуждости и покинутости сдавило прессом грудную клетку так, что трудно было дышать. Она выпрямилась и глубоко, но неровно вдохнула, чтобы прогнать внезапно обуявшую тяжесть. Конечно, сама виновата. Глупая была идея: найти брата. Нет у нее никакого брата...

Какое-то время она смотрела, как мелкие капли неприятного осеннего дождя разбиваются о лобовое стекло и холодными струйками стекают вниз. Ее внимание привлекла табличка дома, стоявшего неподалеку. Название улицы показалось ей знакомым, она проезжала здесь. Улица нашлась на карте навигатора, и вскоре удалось выехать на шоссе. Всю дорогу голову теснили тревожные мысли, вспоминались обрывки грубых фраз и провожавший ее потухший взгляд мальчика. Лишь до-

ма она немного успокоилась, смыла горячим душем налипшую грязь и предложила себе, словно в детстве: «А давай, это как будто бы не было».

Ее манера держаться была в меру приветливой, в меру строгой. В холле университета было шумно: группа за группой приезжали старшеклассники, которых встречали и вели на экскурсию. Она руководила. Мимо шла очередная группка, как вдруг кто-то подошел к ней. Профессор подняла голову, чтобы сказать дежурное приветствие. Оборвалась на полуслове — перед ней стоял брат, за спиной которого краснел неловкий старшеклассник.

— Здравствуйте. Пришли вот... — сказал брат, переминаясь с ноги на ногу в попытках остановить свой взгляд на собеседнице.

Засуетилась:

— Я... Хорошо, что пришли, это хорошо... Пойдем, как раз начинается экскурсия для группы, ты можешь присоединиться, — она ласково улыбнулась своему племяннику и отвела его в сторону, где собралась кучка старшеклассников.

Женщина обернулась. Брат, словно зверь, опасаящийся преследования, неуверенно оглядывался по сторонам, втянув голову в плечи. То теребил рекламки на стенде, то хотел достать сигарету, но вдруг вспоминал, что находится в помещении. Она подошла к нему и, стараясь говорить как можно мягче, произнесла:

— Я правда рада, что вы решили приехать.

— Выпил я тогда, извиняюсь, не прав, — ответил брат, откашливаясь через слово, будто боясь сказать лишнее.

— Послушай, мне, наверное, действительно не стоило приезжать, хотя я не понимаю, чем могла обидеть. Но если обидела, я тоже прошу прощения, — ответила она и наконец их неловко блуждающие взгляды встретились. Она смотрела с сочувствием, сжав брови, он — стыдясь, исподлобья.

— Да глупо как-то получилось, — брат снова нащупал в кармане пачку сигарет, не в силах унять тревогу в руках. — Меня

зло взяло. Ты рассказывала про бабу. А сама, сама потом не приехала ни разу ее навестить, — в этих словах она расслышала горький упрек того, другого маленького брата из детства. — Ты... Ты хоть помнишь ее?

— Да, — ответила она, и сердце глухо ухнуло. — Конечно, я помню. Ее и тебя, и нашего пса, я все помню. Но... Но я не помню, почему родители мне запретили к вам приезжать. Честно, я хотела приехать тогда, я просила их отпустить меня, — с надеждой взглянула на брата, но он молчал, угрюмо изучая узор на полу. — Что произошло? Они поссорились?

— Поссорились? — с усмешкой переспросил брат. — Да у наших родителей-то дружбы особой не было. Это ты в своем дворце жила, ничего не видела, а я все знал, я все видел, — брат подошел чуть ближе, и его громкий шепот наполнился обидой и тоской. — Да они нас презирали всегда, кто мы для них были? Простые работяги, да никто, тьфу! Плюнуть и растереть. А тебя к бабке сдавали, потому что уезжали на свои симпозиумы.

— Но мне нравилось у вас, — ей очень хотелось изменить мнение брата, но он ее перебил.

— А потом... Ну выпили как-то. Ну с кем не бывает-то? Бабука и мать тогда дома были, когда твои заявились. Устроили концерт на всю деревню, мол, пьянчуги, да вас родительских прав лишить... И уехали... С тобой. Мать потом два дня плакала, — договорив, он отошел и наконец достал сигарету из пачки. Она молчала, растерявшись.

— Я тебя ждал тогда, — тихо сказал брат спустя какое-то время. — Каждое лето ждал, как дурак, — взглянул на нее, и в помутневших от тяжелой жизни и пьянства глазах брата она разглядела мальчишескую синь.

— Прости меня, Коля, — дрогнула она и сделала порывистый шаг, но обнять не смогла. Положила руку на плечо. — Прости меня. Я не знала ничего.

Он неловко отстранился.

— Да что теперь уж... Давно было, — какое-то время стояли в напряженном молчании, пока он не сказал. — Пойду я. Лёнька сам доедет. На метро. Пока.

— До свидания, — попрощалась потухшим голосом и добавила, когда он уже был в дверях. — Может, увидимся еще!

Брат обернулся и едва заметно кивнул. Она улыбнулась. Внутри было больно и тепло. Больно за то, что не приехала тогда. Тепло, что брат вернулся, и как ей показалось, простил.

Он ушел. Вспомнилось — так же прощались, когда она уезжала с дачи. И вот он пойдет теперь собирать рябину на пульки в свой пистолет, а она сядет в красивую машину. И все будет хорошо. Будет хорошо...

Волонтер

Люди думают, что слепые погружены в вечную тьму. Но это не так. Никитичу не составляло труда представить, а если точнее, то вспомнить и довообразить, какого цвета все, что его окружало. На клеенчатой скатерти на столе наверняка изображены плохо пропечатанные ромашки и маки, шторы бледно-зеленые, пол светлый, руки санитарки — красные с белыми жилками.

Никитич никогда не брал белую трость, он всегда безошибочно определял, где находится искомый объект в здании, будто сам проектировал этажи. Но ходить далеко не было необходимости. Еду приносили в комнату. По праздникам санитарки водили старика на концерты, которые устраивались в актовом зале. Весной и летом Никитич выбирался в сад, разбитый за зданием. Там он подолгу сидел на скамейке и слушал, как шумит листва и голоса маленькие птички. Но большую часть времени старик проводил в своей постели. Так меньше болело тело, истощенное тяготами земной жизни за долгие, долгие годы.

Иногда Никитич лежал много дней подряд. Мутные глаза его были открыты, рот зиял неподвижным черным отверстием. Это делало его лицо как будто удивленным. Так он лежал часами, не шевелясь, и санитарки временами останавливались на секунду, дабы убедиться, что его грудь все еще поднимается от дыхания.

Порой Никитич лежал так долго, что ему казалось, он переставал чувствовать тело. Старик словно застывал в мягкой и уютной невесомости, становился легким. Будто ничего

не весил и растворялся в пространстве, таял, исчезал, тлел. Но стоило пошевелить рукой — это чувство проходило. Тяжелая, непослушная рука, налитая свинцом, поднималась с трудом. Это прогоняло сон, но вскоре он снова поддавался легкости, позволяя телу утопать в облаке дремы.

Никитич слышал. Скрип матраса под тяжелым телом в соседней комнате. Шаги шумных санитарок, их громкие голоса, тревожащие тягучую сонную тишину коридора. Три раза в день он слышал звук отворенной двери, без стука. И три раза голос санитарки: «Никитич, завтрак», «Никитич, обед», «Никитич, ужин». Санитарка быстрым движением определяла на его стол чашку и торопливо уходила обслуживать другие комнаты. Но чаще санитарки и вовсе молчали. Открывалась дверь, ударившись о стену, на плоскость маленького стола глухо приземлялась тарелка. Иногда пахло вкусно, но чаще — никак. Как пахнет разваренная еда. Но он никогда не жаловался. Даже когда его первый раз здесь назвали этим небрежным именем. Когда-то его звали по-другому — уважаемый Вадим Никитич, а еще Вадимушка — так звала жена.

Иногда с крыши падал снег, иногда порывивали раскаты грома, но больше Никитич не слышал ничего. И уж тем более ничего не говорил. Старика никто не навещал уже одиннадцать лет.

Это произошло в... Никитич не помнил, в какой день. Жаркий или холодный, грустный или радостный — все дни давно слились для него в бесцветную безвкусную невыразительную дрему. Словом, это произошло в один из дней. Кто-то постучал в дверь. Негромко, но настойчиво. Необычный звук заставил Никитича проснуться, хотя он не мог до конца распутать клубок — где явь, где сон.

Дверь открылась. Кто-то спросил:

— Здравствуйте, можно к вам?

Это был звонкий и тонкий девичий голос. Никитич подумал, что ему снится новый сон, и позволил себе снова стать «легким».

— Можно? — повторил голос громче и ближе. Дрема стала рассеиваться.

— Я волонтер, — жизнерадостно представился голос. Никитич услышал, как кто-то аккуратно сел на стул неподалеку.

— Мне сказали к вам можно, — будто оправдываясь, проговорил голос. — Я здесь навещаю бабушек, дедушек... Вам нужна помощь?

Никитич слышал голос гулко, нечетко, еще из дремы, и никак не мог понять, кто нарушил его уединение. Или это просто снится очередной сон?

— Ну ладно. Я к вам зайду еще, говорите, если что-то будет нужно, не стесняйтесь! — дверь открылась и закрылась, Никитич заснул.

Инцидент повторился снова через несколько дней, когда Никитич уже успел забыть о странном голосе. Все повторилось в точности — и стук, и вопрос. Только на этот раз приятный юный женский голос не замолкал. Он рассказывал, спрашивал. Так как Никитич молчал, голос снова рассказывал. То же самое повторилось еще спустя пару дней. Никитич уже не спал, Никитич слушал со всем вниманием, ловил каждый оттенок хрустальных звуков, он чувствовал, как окутан ими, и слова кружатся в воздухе подобно снежинкам. Когда голос умолкал, Никитич вспоминал услышанные истории. Он их почти ощущал.

Так было несколько недель. Или месяцев. Но однажды голос не пришел. Никитич ждал появления голоса. Но его не было. Никто не стучал в дверь. Никитич почувствовал что-то вроде расстройства. Принесли ужин, но есть не хотелось. Пахло гадко. Все было гадко: влажная простыня, спертый воздух, сухое тело. Все.

Однажды он проснулся от стука в дверь. Впервые за долгое время медлительное сердце старика учащенно забилося в припадке радости.

— Здравствуйте! — произнес знакомый голос. — Вы простите, что так долго не заходила. Вы все не отвечаете, вот я и подумала, что я вам в тягость. Если так, то я не буду вас больше беспокоить.

Никитич молчал. Потом он услышал робкий шаг в сторону двери.

«Нет», — вырвалось у него, но звука не последовало, в гортани что-то хрипнуло. Никитич сделал невероятное усилие над собой и приподнял голову. «Нет, не уходи», — хотел сказать он, и из его рта послышалась череда хрипов.

Кажется, голос понял. Никитич слышал, как голос улыбался, когда говорил. Голос сел на стул и стал рассказывать. А на прощание прикоснулся к руке. Вдруг Никитич почувствовал неужержимое желание ответить, он приподнялся, долго кашлял и наконец произнес, сначала с хрипом, но потом шепотом, в котором можно было расслышать: «Спасибо».

Никитич был радостно встревожен и долго не мог заснуть. Но потом заснул, не задремал, как обычно, а именно заснул — глубоко и ровно. Под утро он умер, легко и без боли.

Борис Борисыч

Пошел влажный крупный снег. Снежинки заискрились в сотне глаз, устремленных туда — на улицу. Оживились. Шумели. Когда на въезде послышался лязг ворот, шум стал почти невыносимым. Борис Борисыч поднялся и отошел подальше. Он понимал их радость, но не разделял ее.

Борис Борисыч был дряхлый степенный старик, который давно ни на что не жаловался и не одобрял ворчания соседей. Когда пришла Катенька, он демонстративно зевнул, вполглаза наблюдая за ее приятными расторопными движениями. Катенька добрее всех. Она никогда не покрикивает на Бориса Борисыча, даже если недовольна им. Катенька пахнет чужим теплым домом, деревом, сдобой и детским молоком. Иногда сердце старика поддается доброте и благодарит ее. Катенька все понимает.

Сегодня она к нему не зайдет. Борис Борисыч знал: наступил важный день, она будет занята другими. Вот уже две недели их — других, помоложе, почище — готовили. Мыли, стригли. Кто-то даже сдавал анализы. Это их день.

Старик скучал. Всеобщее оживление было почти раздражительным. Борис Борисыч презрел его, но не отвернулся. Сквозь дрему наблюдал за разноцветным мельтешением. Потом заснул. Чуткий сон прервала наступившая тишина. Тех, кто уезжал, повели к воротам. Борис Борисыч открыл глаза. Сначала подумал, ему показалось — подошла Катенька. Пригляделся: действительно, она. Стоит и смотрит на него, не шевелясь. Старик вопросительно взглянул на девушку. Та улыбнулась ему в ответ.

Затем произошло что-то странное. Катенька отперла дверь и вошла. «Куда ты, ведь тебя давно ждут там, у ворот», — подумал Борис Борисыч. Но виду не подал, не дрогнул.

— Борис Борисыч, а поедемте с нами, — сказала Катенька мягким материнским голосом.

Теперь Борис Борисычу пришлось подняться. «Да куда же? Куда мне с вами!» — старик ошарашенно наблюдал, как Катенька собирает его, одевает, выписывает бирку — как всем. «Не хочу», — ворчал старик. — «Куда тащат?»

Когда Борис Борисыч, примяв мягкий снег, появился перед остальными, они даже на секунду затихли. Подивились. Потом обрадовались ему. «Глупости», — подумал старик. Бориса Борисыча посадили в машину. Он несколько раз ездил с Катенькой к врачу, поэтому в отличие от других не суетился и делал, что говорят.

Ехали долго. Мело. От мерного шума старик снова задремал. Проснулся, когда уже приехали, хлопали дверями. Борису Борисычу помогли выйти. Сначала он испугался, все же было так много людей, музыка, большая елка. Их разместили. Дали воды. Вскоре старик снова заскучал.

Временами к ним подходили люди. Задавали вопросы, улыбались. Борис Борисыч был спокоен. К нему не подходили. Он не переживал. Знал, что неприятен. Плохо пахнет — его не мыли и не причесывали. Что старый и никому не нужный. Одним глазом наблюдал за суетившейся рядом Катенькой. Стало тоскливо и зябко. Борис Борисыч заскучал по своему драному пледу. Тяжело вздохнул. Зачем только Катенька его взяла?

Дремал, не сразу заметил его. Он стоял как-то близко. Старик почувствовал новый запах: свежих чернил, старой бумаги, хорошего ужина. Под ложечкой заурчало. Это был пожилой человек. Почти такой же потрепанный жизнью, как Борис Борисыч, только бодрый. Он наклонился и сказал:

— Здравствуй.

Борис Борисыч сделал робкий шаг вперед. Умоляюще посмотрел на Катеньку. Она была занята. Пожилой господин подождал ее и спросил:

— Скажите, пожалуйста, как его зовут?

— Кого? — Не сразу поняла Катенька. Старик тоже недоумевал.

— Вот этого, — человек указал на старого пса с висящими колтунами, которого взяли на ярмарку из жалости.

— А, это наш Борис Борисыч, — с улыбкой ответила Катенька и нежно погладила лохматую голову.

Человек вдруг негромко рассмеялся. Борис Борисыч не понял, но звук был приятный.

— И я Борис Борисович, приятно познакомиться, — сказал человек и адресовал самую искреннюю улыбку псу, которую тот когда-либо видел.

— Вы его отдаете? — вдруг поинтересовался большой Борис Борисович.

— Его? — удивленно переспросила Катенька.

Борис Борисыч замер.

— Вы хотите его взять?

Человек снова улыбнулся и кивнул. Катенька отвела его в сторону, где оформляла бумаги на молодых собак, которых брали в семью из приюта.

Борис Борисыч не верил своим ушам. Закружил буран, ставший разноцветным от огоньков на площади. Катенька наклонилась к нему на прощание. Натянув поводок, пес лизнул влажную от слез щеку.

Как мягко идти по снегу. Шумно, очень страшно. Но большой Борис Борисович держит поводок уверенно и идет быстро. Иногда оглядывается на маленького Борис Борисыча и подбадривает его. Один раз он протянул руку к холке, старик с непривычки дернулся, прижав уши. Человек остановился. Сел на колени, став с Борис Борисычем одного роста. Серьезно посмотрел в глаза и сказал:

— Я не обижу.

Борис Борисыч боялся и не верил. Трусил следом.

Шли недолго. Уже скоро были в тепле. Большому Борису Борисовичу пришлось потрудиться, чтобы затащить старика в лифт. Как тепло! Борис Борисыч боялся сдвинуться с коврика

у порога, хотя человек звал его в большую светлую комнату. Так и остался на всю ночь у двери.

Старик спал чутко и все время просыпался. Под утро забылся.

Пахло едой. Борис Борисыч открыл глаза. Шерсть совсем высохла. Никогда ему не было так тепло.

— Ну, Борис Борисыч, пойдем завтракать! — позвал человек, выглянув из кухни с той самой улыбкой, которую пес запомнил при первой встрече. Борис Борисыч было пошел, но робко остановился.

Все же решился. Тихо цокая длинными когтями, пес приковылял в светлую комнату.

— Ешь, — человек кивнул в сторону полной миски. Борис Борисыч замер от счастья. Потом кинулся к посудине — новенькой, чистой.

— Ешь, ешь, — приговаривал большой Борис Борисович. Он все глядел на пса, словно в зеркало смотрелся. Старый, дряхлый, покинутый, всех уже похоронивший, близкими — брошенный. Старик. Один. Теперь два. И уже не так страшно.

Вылизав миску в пятый раз, пес облизнулся. Он не ел ничего вкуснее.

Подошел к человеку. Положил большую патлатую голову на колени. Человек снова улыбнулся. Погладил жесткую спутанную шерсть. Он никого не ждал на Новый год.

Неизбежность бытия

Как асимметрия. Как выбившаяся прядка волос, как уродливая грамматическая ошибка двадцать вторая квартира нарушала покой семьи Елены Александровны. Все в их районе хорошо, кроме людей, что устраивают пьянки и кидают на газон сигареты. Понятно: ничего доброго в этой самой двадцать второй квартире не происходило. Постоянные скандалы, ночевки пьянчуг под дверь, поздние сборища подростков, дымящих в подъезде, беспокоили не только профессорскую чету. Пробовали вызывать участкового, пока не стало известно, что он и сам не прочь угоститься в двадцать второй. В итоге на шумных соседей махнули рукой.

Казалось, самих обитателей двадцать второй квартиры мало заботило, какое они производят впечатление. Однако при личной встрече соседей чувствовалось нескрываемое напряжение и взаимное раздражение. Тихую зависть беспокойных соседей вызывала сдержанная интеллигентность профессоров, их вежливые приветствия в лифте, все новое и свежее, что окружало этих непонятных и высокомерных, с точки зрения двадцать второй квартиры, людей. Иногда Елена Александровна ездил в лифте со своей соседкой. Это была полная женщина с зычным голосом и большим красным носом, как у карикатурных пьяниц. Одета во что придется, она впивалась взглядом в дорогое пальто Елены Александровны, ее идеальную сумку, безупречно чистую обувь, тонкое серебряное колечко на молодежьей руке, и вскипала. Ей не терпелось рассказать своим товаркам какую-нибудь гадость про соседей, чтобы чуть-чуть облегчить груз зависти.

Елена Александровна чувствовала непреодолимую брезгливость, отмечая неприятный запах перегара вблизи и потные ладони пьющей соседки. Но двадцать вторая квартира стала для нее частью ландшафта. В конце концов, это не редкость, иначе народный фольклор не пополнялся бы анекдотами про соседа с дремлю, думала она.

В тот вечер профессор припозднилась. Лифт сломался. Женщина не торопясь поднималась по ступенькам. Ее шелковый шарф источал тончайшую нотку духов, от чего было приятно и немного щекотно в носу. Где-то позади еще шумел насыщенный день.

На лестничном пролете потускнел свет, лампочка мигала, и Елена Александровна не сразу разглядела тело на ступеньках. Немного испугалась, но тут же рассмеялась про себя: опять придется перешагивать через пьяных соседей — что с них взять? Она уже занесла чистый сапожок над телом, но вдруг опешила. Это был не пьяница. Фигура лежала сжавшись. Из-под капюшона куртки пушились светлые волосы. Профессор узнала соседскую девочку.

В ответ на обращение фигура недовольно пошевелилась, глубже упрятав лицо. Несколько секунд Елена Александровна стояла, застыв над жалким комком. Прижавшись к стене, она обошла девочку, полулежавшую на ступеньках. «Наконец, какое мне дело до них», — подумала женщина, но в груди что-то кольнуло, словно загорелась маленькая красная лампочка с надписью «Неправильно».

Дома было светло и уютно. Муж Елены Александровны приготовил ужин, с кухни доносился аромат вкусной еды. Семья собралась за столом, и неприятный эпизод на лестнице сам собой растворился в неторопливом разговоре и желтом свете абажура, под которым дожидалась недавно начатая интересная книжка. Когда убрали посуду, и все разошлись, Елена Александровна с большим удобством устроилась в мягком кресле и, предвкушая удовольствие, открыла книгу. Она прочитала было абзац, но отвлеклась. Дверной глазок жалил глаза, манил к себе.

Женщина вздрогнула: а вдруг та девочка еще там? Стрелка часов устало ползла в сторону полуночи. Чтение не задалось. Елена Александровна то и дело отвлекалась, строки уплывали перед глазами, один и тот же абзац приходилось читать еще и еще, смысл слов ускользал. Наконец профессор убрала книгу, ощущая непонятную тяжесть внутри. Тихо, словно крадучись, она подошла к двери и выглянула в глазок: подъездный полумрак, ничего не видно. Тогда Елена Александровна аккуратно повернула замок и открыла дверь.

В тусклом свете показался силуэт. Без сомнения, девочка все еще сидела в подъезде. Женщина решительно направилась к безжизненной фигуре. Замерла. А что сказать?

— С тобой все в порядке? — негромко спросила Елена Александровна своим строгим голосом, который многим на кафедре внушал трепет. Какой глупый вопрос. Уж конечно не в порядке.

Фигура не пошевелилась. Немного помедлив, женщина бесшумно присела на ступеньку. «Халат придется стирать», — пронеслось в голове, и Елена Александровна потянула ткань вниз, чтобы не коснуться телом неприятной холодной ступеньки. Женщина осторожно дотронулась до девочки. Та сначала дернулась, но потом еще больше сжалась в комок, слышались всхлипывания.

Елена Александровна не любила слез, но все же внутри не переставало щемить от вида этого жалкого тела, выкинутого за дверь.

— Тебя домой не пускают?

От этого вопроса девочка разрыдалась еще больше, трясясь всем телом. Под своей рукой женщина чувствовала тепло, и это казалось ей странным, словно жители двадцать второй квартиры не могли быть вот такими же теплыми на ощупь, как все люди — живыми.

— Давай-ка успокойся, весь подъезд перебудешь, — произнесла Елена Александровна еще строже. — Тебе плохо? Пойдем, я найду тебе успокоительное. Тут точно нечего делать. — Ну, поднимайся, — потребовала Елена Александровна.

Девочка что-то тихо пробулькала мокрым лицом.

— Что?

— Не могу, — повторила она тихо, заикаясь на каждом звуке.

— Почему?

Школьница дернулась в нерешительности. Поднялась со ступенек и сжалась, теребя руки. Ее лицо оставалось скрытым капюшоном. В одно мгновение пришла догадка.

— Покажи.

— Нет!

— Дай посмотреть.

— Пошла ты! — озлобленно рыкнула девочка. Елена Александровна едва заметно отшатнулась, но не ушла. Она аккуратно убрала капюшон с лица подростка. Девочка не сопротивлялась. К розовому распухшему лицу прилипли выкрашенные соломенные волосы. Один глаз весь утонул в багровом, сквозь узкую щель виднелся маленький светлый зрачок. На разбитой губе запеклась кровь. Девочка зло и отчужденно смотрела на Елену Александровну, будто говоря: «Ну что, насмотрелась, довольна?» Женщина тяжело выдохнула.

Где-то за стеной глухо и безразлично гудели трубы. Елена Александровна аккуратно положила руку на изломы кистей и заглянула в волчьи глаза.

— Я могу обработать. Пойдем, посидишь у нас.

Соседка в нерешительности дернулась, во взгляде мелькнула неуверенность.

— Пойдем, — позвала Елена Александровна, смягчив голос.

От резкого контраста с подъездом в квартире девочка еще больше ссутулила плечи, надеясь спрятать в них свою голову. Она исподлобья разглядывала картины и грамоты на стенах, пока Елена Александровна извлекала из шкафчика аптечку. Оценив обстановку, школьница зло уставилась на хозяйку дома, чувствуя омерзение от царящего вокруг благополучия. Елена Александровна ощущала этот взгляд — очень хотелось смахнуть его, как налипшую грязь. Профессор намочила ватный тампон хлоргексидином, села рядом с подростком и стала аккуратно, но быстро обрабатывать еще свежую ранку.

— Это сделал отец?

Девочка молча и тупо изучала пол. Потом сказала:

— Какое вам дело-то?

Когда Елена Александровна уже закончила с разбитой губой, девочка все-таки призналась:

— Мой парень.

Она снова заплакала, и сквозь пухлые едкие слезы извергались дикие гадкие слова, не просто мат, которым бранят угол мебели, не вовремя оказавшийся вблизи мизинца, а черная желчь, что брызжет изо рта, осколки слов, изжеванные острыми зубами, концентрированная боль и ненависть, слившиеся в матном союзе.

Елена Александровна молча внимала потоку, казалось, нимало ее не смутившему, затем спокойным движением определила в стакан воды и принялась отсчитывать капли успокоительного. Девочка тупо и отстраненно смотрела, как темные щупальца капель растворяются в прозрачной воде, становясь невидимыми. Лекарство выпила залпом, не покривившись, и принялась крутить стакан в руках. Хозяйка дома со вздохом села напротив.

— На парня такого управу у участкового можно найти. По-бои снять. Заявление составить.

Девочка смотрела вниз и ничего не отвечала.

— А почему домой-то тебя не пускают?

Дернулась и поджала губы. Потом сказала в угол:

— Залетела я... Мать сказала иди, тварь, куда хочешь, — девочка боролась с собой, но губы предательски задрожали, а лицо исказилось. Она спрятала его в руки и, всхлипывая, продолжила. — Вот я и уйду, раз не нужна никому, уйду, вон из окна спрыгну или таблеток наглотаюсь!

— Ну так не надо говорить... Не надо.

Когда какофония всхлипов сошла на нет, Елена Александровна спросила:

— Так парень твой... Он из-за этой новости тебя... тебе такое сделал?

Девочка вытерла рукавом распухшие красные щеки.

— Нет, ему сказали, что ну... Это от другого я залетела. — И тут же обиженно добавила, — но это неправда!

В лице с надутыми губами и глазами, полными отчаянья, женщина видела ребенка. Слишком рано повзрослевшего, испуганного и забытого взрослыми. В груди защемило настолько сильно, что Елена Александровна протянула руку и положила ее на мокрую грязную ладошку своей гостьи.

— Послушай, у меня есть знакомый врач, который сможет... Все уладить. Завтра по пути на работу провожу к ней. Она лишних вопросов задавать не будет.

Девочка пристально посмотрела на Елену Александровну.

— Хорошо?

Гостья кивнула.

— Ночевать оставайся у нас, я тебе сейчас постелю. Этот диван раскладывается.

Елена Александровна расстелила диван, выключила свет и задержалась на минутку дожидаться, пока девочка перестанет ворочаться.

Муж уже спал. Кутаясь в мягкое одеяло, профессор думала о том, что скажет домашним завтра. Женщина вздохнула. Между ребер давило.

Невыносимо скучные бледно-зеленые стены оттеняли лица пациентов абортной палаты болезненным мраком. Девочка только пришла в себя после наркоза и смотрела сонными глазами в окружении осуждающе-вопросительных взглядов соседей по палате.

— Здравствуй, — сказала Елена Александровна. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — ответила девочка.

— Пить хочешь? Я принесла.

— Да, ужасно.

Девочка жадно опустошила без малого половину пластиковой бутылки.

— Скоро сможешь уйти. Не торопись. Если голова кружится, полежи еще немного.

— Ладно... — отвечала покорно.

— Ну хорошо. Вот мой телефон, — Елена Александровна положила в безжизненную ладонь сложенный лист. — Если будут проблемы, звони. Я пойду, у меня обеденный перерыв заканчивается.

Женщина подождала, пока девочка что-нибудь ответит, но та молча теребила кромку полученного листа. Елена Александровна ушла.

После этого двадцать вторая квартира словно опустела. Крики и ссоры утихли. Двери открывались и закрывались — отцы ходили на работу, дети в школу. Девочка избегала общества Елены Александровны. Однажды нарочито дожидалась за углом, пока профессор не зайдет в подъезд. Очной ставки с родителями тоже не произошло. Неизвестно, что они узнали по поводу «решения проблемы», но ни благодарностей, ни обвинений от соседок не случилось. Иногда это тревожило.

Через год Елена Александровна встретила девочку с коляской. Рядом суетилась протрезвевшая по этому поводу бабушка. Молодой отец шел угрюмо, насупившись. В его руке, как знамя, блестела зеленая бутылка. Вчерашняя школьница по-матерински поправилась. Поравнявшись на аллее с соседкой, она молча кивнула ей.

Елену Александровну обдало холодом пустых, равнодушных и покорных судьбе глаз. Кукольное лицо, привинченное к телу паяца, казалось, не замечало ничего вокруг. Послушные округлые руки везли крутобокую коляску. Профессору отчего-то стало и страшно, и тоскливо одновременно, словно перед ней разверзлись все нищенские бездны, в которые, как известно, не рекомендуется всматриваться. Она ускорила шаг. Захотелось немедленно попасть домой, чтобы спрятаться от этого взгляда реальности — прямого и правдивого.

Бабуля

Консервная банка

Звонкий ребячий смех волновал двор. Золотые от весеннего солнца волосы растрепались. Куртки бесстрашно сброшены у турника — вот-вот искристый воздух осядет под звучным окриком родительницы. Теплилась середина дня, школьники только что закончили занятия и парами-кучками разбрелись по домам. Многие останавливались возле детской площадки, чтобы вдоволь вывозить в грязи школьные вещи.

Подростки игнорировали веселую возню и слонялись у подъезда. Несколько мальчиков шумно обсуждали видео на телефоне, неторопливо катали мяч. Неподалеку шептались две школьницы, косились на компанию, не решаясь присоединиться. Их негромкое воркование прерывалось шелканьем розовых жвачных пузырей. Прямой взгляд звенел пустотой. На гладком лбу еще не успели пролечь борозды тоски и напряженной мысли. Большие младенцы, которые вот-вот оступятся.

В суете весеннего дня никто не заметил появления из-за угла грузной фигуры. При ближайшем рассмотрении она оказалась вовсе не грузной, а просто сгорбленной и тщательно одетой. Древняя старушка в подпоясанном ветошью пальто, настолько старом, что цвет его поистерся — ни коричневый, ни бордовый. Старушка в сморщенных колготках дефицитных времен и разношенных полусапожках. Ее образ дополнял истерзанный шерстяной берет и пухлая сумка на колесах.

Слишком тяжелая сумка громко постукивала по бугристому асфальту.

Когда непосильный воз докатился до подъезда, подростки перебрасывались шутками и хрипло гоготали. Один из мальчиков метко выпнул мяч. Тот ударился о стену дома и прикатился обратно под звуки хлесткой брани. Старушка не заметила, искала негнущейся рукой ключи. Между двумя подростками завязалась борьба. Когда остальным надоело наблюдать их драку, костлявый мальчик с серыми сальными волосами с размаху ударил по мячу с боку. Он не рассчитал силу, и мяч обрушился на оставленную без присмотра котомку на колесах.

Она упала и обнаружила миру свое нехитрое содержимое: диски консервных банок, буханка хлеба в целлофановом пакете и яблоки очутились у заплыванной подъездной лавки. Раздался бурный взрыв смеха, мальчики толкали друг друга, поддразнивали и давились смешками. Яблоки оказались у ног старухи. Она неказисто присогнулась разглядеть, комичная поза еще больше рассмешила весельчаков. Девочки тоже смеялись, прикрыв рот, и с восторгом смотрели на ловкого мальчика, создателя курьеза. Когда старуха принялась собирать рассыпанные продукты, компании и след простыл.

Одна школьница не торопилась домой, мяла пальцами жвачку и оглядывалась — искала, куда прилепить. Обернувшись, девочка увидела, как тележка с продуктами и ее обладательница скрылись в подъезде. Вдруг под скамейкой что-то сверкнуло. Школьница пригляделась. Это была новая консервная банка, забытая полуслепой хозяйкой. Наверняка банка укатилась под лавочку, и старуха не заметила ее.

Пропажа аккуратным кругляшком покоилась среди окурков и пивных бутылок. Девочка замерла в нерешительности. Почему-то стало неловко уходить теперь, когда она обнаружила эту консервную банку. Крышка банки таинственно поблескивала в куче мусора. Школьница все смотрела на нее, и странное чувство покалывало изнутри. Поколебавшись, девочка подобрала банку и забежала в подъезд в надежде догнать старушку.

Огляделась, боязливо зашагала вверх по ступенькам. На втором этаже лязгнула дверь, мелькнула старушечья рука. Девочка сжимала холодную жестяную банку — обычные дешёвые консервы с блеклой этикеткой. Медленно поднялась на лестничную площадку и оказалась перед старой исцарапанной дверью. Нажала на звонок. Прислушалась. В квартире не последовало ни единого звука. Негромко постучала. И вновь подъездная тишь. Пришлось постучать громче. Когда школьница уже отслеживала пути отступления во мраке пошарпанной лестничной клетки, в квартире послышались шорохи. Девочка испугалась и захотела удрать, но ее остановил старушечий голос:

— Кто та-ам? — с недоверием интересовались по ту сторону двери.

— Э-э... Да я просто отдать хотела вот... — растерялась, неловко демонстрируя свою находку в дверной глазок.

— Кто-о? — медленно переспросила старушка, силясь слышать своего посетителя.

— Вы забыли консервы, — громко сказала школьница, чуть наклонившись к двери.

— Я забыла? — снова спросили за дверью.

— У вас выпали консервы из сумки! — девочка почти перешла на крик и вплотную прислонила к дверному глазку жестяную банку.

Наконец старый замок щелкнул, и через целую вечность показалось лицо хозяйки квартиры. Эта была та самая старушка, растерявшая свой скромный продуктовый набор у подъезда. Она уже успела снять пальто и предстала перед школьницей в растянутом вязаном жилете с карманами. Увидев консервы, она всплеснула руками.

— Это где же я их оставила-то? Где забыла-то? — но не успела девочка ответить, как старушка шире раскрыла дверь и пригласила войти, — да что ж вы стоите, заходите-заходите.

— Нет, мне идти надо, — мялась у порога школьница, теребя в руках злосчастную консервную банку.

— Ой, да заходите, что там стоять, сейчас я вас угощу, я же с магазина.

— Да не нужно, спасибо, я пойду, наверное, — ответила девочка, но старушка не услышала или проигнорировала ее слова. Со скоростью вдумчивого шахматиста она направилась на кухню, где лежало несколько кулчков с покупками. Школьница переминалась с ноги на ногу, раздражаясь на медлительность старухи и подыскивая глазами поверхность, где бы оставить свою находку и незаметно уйти.

Девочка обратила внимание на ветхость небольшой квартиры, обставленной просто, по-советски. Виднелась маленькая спальня с аккуратно заправленной кроватью. С другой стороны коридор упирался в зал, откуда величественно выглядывал шкаф с необъятным количеством книжных полок. Дешевый линолеум самой обывательской расцветки выглядел вымытым, а кухня и вовсе казалась приветливой. Тем не менее школьнице хотелось как можно скорее покинуть квартиру незнакомого человека: слишком уж странная история вышла, увидит еще кто, потом в школе от вопросов не отделаешься.

Порывшись в пакетах, старушка достала несколько конфет.

— Как тебя зовут? — спросила она, ковляя из кухни.

— Саша... — неуверенно ответила девочка.

— Саша, возьмите, возьмите, — сказала старушка, протягивая угощение в обмен на консервную банку.

— Я не хочу, — ответила школьница и попятилась к двери. Но старушка успела заложить конфеты ей в руку.

— Бери, с уроков-то голодная.

Школьница не слишком внятно ответила «спасибо» и выскользнула из квартиры. Когда она уже была на ступеньках, старушка окликнула ее и негромко сказала:

— Вы приходите еще... Ко мне ведь уже очень давно никто не приходил.

Саша едва заметно кивнула и почти бегом бросилась из затхлого подъезда на свежий воздух. Она вдохнула его полной грудью, ощутив едва уловимый аромат скорого тепла. На душе почему-то стало хорошо и спокойно.

Дома

Следующие несколько дней Саша не вспоминала о странном знакомстве. Никто не видел, как она входила и выходила из злополучного подъезда, и можно было вернуться к повседневным делам. А именно к отсиживанию уроков в школе и общению с приятелями, которые прогуливали занятия во дворах. Ребята из классов постарше брали пиво, но Саша никогда не пробовала. Она дала себе слово.

Бесцельные хождения по дворам и, когда находились деньги, торговым центрам, позволяли приходиться домой позже. Девочка каждый раз с неохотой возвращалась из школы и при расставании с приятелями впадала в мрачное расположение духа.

Угасал очередной серый день. Саша попрощалась с подружкой и вяло двинулась в сторону дома. Солнце то пригревало, то пряталось за тучи, и тогда ледяной ветер целился напрямик в шею. Зеленый подъезд и черная железная дверь. Девочка как можно тише открыла ее и бесшумно наступила на грязную половую тряпку в коридоре. Первым делом она осмотрела кухню. Из желтого коридора та казалась темной и пустой дырой. Тогда школьница вздохнула с облегчением и принялась раздеваться.

— Пришла-а! — раздался издевательски протяжный оклик из темноты. Саша вздрогнула и поторопилась раздеться. В зале, развалившись в кресле, сидел ее отец. Девочка не сразу заметила его угрожающую фигуру в темноте.

— Са-ша! — окрикнул он. Школьница не отвечала. Ее лицо напряглось, а руки быстро расшнуровывали ботинки.

— Са-ша! — повторился окрик. — Иди сюда... — дочь не слушалась, и он начал свирепеть. — Сюда иди, я сказал! — рявкал он, язык запинаясь о каждую согласную. Саша наконец закончила с одеждой, схватила рюкзак и быстро скрылась в маленькой спальне. Плотно закрыв дверь, она тихо выдохнула.

Весь вечер она боялась, что отец вломится к ней, будет приставать с пьяными разговорами и стучать кулаком по столу. Иногда он садился, смотрел в упор мутным взглядом и говорил:

— Не моя ты дочь, Сашка, — губы его при этом с трудом справлялись с согласными. — Ты такая же, как мать твоя. Злая. Не-бла-го-дар-на-я, — последнее слово он любил больше всего и повторял так часто, как только мог. Поначалу от этих разговоров у девочки наворачивались слезы, а он все говорил и, вконец рассвирепев, кричал: «Не ной, когда я с тобой разговариваю!»

Потом она почему-то перестала плакать. Детская любовь была навсегда уничтожена пьяными признаниями. Каждый раз, когда отец пьяным заходил в ее комнату, разъярялась больше, чем он, швыряла на пол тетрадки, кричала до хрипоты: «Выйди! Отстань!» Закрывалась в ванной, пока отец не прекращал тарабанить в дверь. В такие дни девочка подолгу сидела на холодном кафеле, отколупывая старые коричневые плитки от пола и прокручивая в голове тайные мысли и полные ненависти мечты, за которые не-бла-го-дар-ны-е дети по предписанию должны попадать как минимум в ад.

Сегодня ей повезло. Он уснул в кресле, так и не начав свой монолог. Благодатная тишина прервалась, когда в коридоре хлопнула дверь. Сейчас же были закрыты все вкладки с YouTube, а с полки схвачен первый попавшийся учебник. В доме зажегся свет.

— Поглядите только на него! — взвизгнул голос в зале. — Вставай и иди отсюда! — вслед за криками послышалось недвольное мычание и сильные хлопки. Саша знала — сейчас мать вытолкает его в ванну, а потом обязательно зайдет проверить, делает ли девочка уроки. Последовала раздраженная ругань. Через несколько минут дверь в комнату распахнулась. В проеме показалась худая женщина с изможденным серым лицом.

— Чем занимаешься?

— Уроки делаю, — ответила школьница, сжимая в руках учебник.

— Сядь нормально, — последовало холодно. Саша тут же спустила ноги со стула и подвинулась вплотную к столу. Дверь закрылась.

Еще немного тишины.

Другие чувства

Последний урок длился бесконечно долго. На доске белел список упражнений с пометками «пис» или «уст». Саша добралась только до второго «пис». Глаза стекленели, голод вдавливал живот внутрь, по всему телу разливалась слабость. В духоте класса шелестели тетрадные листы, раздавались шепотки и приглушенный хохот. Грузная учительница временами отрывала взгляд от тетрадей и сверлила шумевших глазами, полными усталости и холодного презрения.

— Я не понял, Пудко, ты закончил все? — спросила она с нескрываемым раздражением.

— А что я-то? — промычал мальчик на второй парте, с трудом сдерживая приступ веселья.

— Рот закрой свой, — дала команду учительница.

Саша несколько раз прочитала условия задания, но слова и цифры растворялись в ее усталости. Она смотрела в тетрадь, и отросшие волосы свисали крашеными черными кончиками, закрывая лицо. Девочка принялась елозить на стуле. Спустя несколько вечностей прозвенел звонок. Всеобщий вздох облегчения был слишком громким, чтобы учительница не могла его не заметить.

— Так, сели все, — сказала она тембром настройки старого контрабаса. Класс вяло повиновался, тая в глазах искорки ненависти, которые позже доведут учителя до сердечного приступа. — Записываем домашнее задание.

Саша записала все на бегу и торопливо выскочила из нестерпимо душного класса. Сегодня она почти весела,

а причина — несколько сложенных пополам купюр «на обед» в маленьком тряпичном кошельке. Вместе с одноклассницами девочка направилась в местный супермаркет. В разгар рабочего дня он пустовал. Громко переговариваясь и дурачась, подростки разбежались по магазину.

Школьница обошла подружек, шептавшихся у полки с пивом, и задержалась у шоколада. Совсем рядом замаячило нечто знакомое. Присмотревшись, девочка обнаружила сумку на колесах — жалкую и одутловатую. Саша сразу ее узнала. Вскоре показалась и хозяйка сумки, она близоруко шурилась у полки с подсолнечным маслом. Школьница спряталась, ей не хотелось вновь столкнуться с назойливой старухой. Девочка выбрала несколько шоколадок и присоединилась к гомонившим подружкам. Они боялись покупать пиво без взрослых парней, бравших эту грязную работу на себя.

Компания подошла к кассе. В то же время к кассе напротив прикатила свою тележку старушка. Она медленно достала кирпичик хлеба, самое дешевое подсолнечное масло подозрительно темного цвета и сосиски, которые обычно скармливают котам. Саша пыталась не смотреть на знакомую, но боковым зрением она видела старое пальто и морщинистые руки. В груди у школьницы опять неприятно кольнуло, как тогда, когда она увидела консервную банку под лавочкой. Ей почему-то подумалось, что старушка не может позволить купить себе нормальную еду. От этой мысли девочке сделалось неуютно, и она покосилась на свои покупки.

Наконец очередь продвинулась, и они оказались на кассе. Старушка уложила свои продукты в каталку и едва смогла сдвинуть ее. Теперь Саша распознала чувства, давящие на грудную клетку. Ей стало ужасно жаль позабытую миром старуху, а еще почему-то стыдно. В голове вдруг вспыхнула жаркая незнакомая искра. Наскоро попрощавшись с подружками, школьница выскочила на улицу и быстро догнала бабушку.

— Здравствуйте! — громко сказала девочка и испугалась своего уверенного голоса. Старушка не сразу поняла, что обра-

щаются именно к ней. — Здравствуйте, вы меня помните? — Саша наклонилась чуть ближе к неприглядному пальто. Старушка обернулась и какое-то время вглядывалась в смутно знакомую фигуру.

— Ой, моя милая-я! — воскликнула старушка, разублававшись и помолодев лет на десять.

Дальше Саша не знала, что говорить.

— А я вот со школы иду. Может вам помочь везти? — спросила она, желая быть полезной.

— Да ну что вы, — отмахнулась старушка.

Но школьница все же взяла теплую ручку тележки и покатила ее. Какое-то время они шли молча, и девочка подстраивалась под неторопливый шаг своей спутницы.

— Что же вы Саша, в каком классе учитесь? — спросила наконец старушка. Девочка удивилась, что к ней обращаются на «вы». Несомненно, если бы учителя могли обращаться к ученикам более грубо, чем просто по фамилии, они бы это делали.

— В восьмом, — ответила школьница. — А вы? Работаете? — вопрос дурацкий, но она не знала, о чем вести разговор с незнакомым старым человеком. Бабушек у Саши не было...

— Ну что вы, милая моя, какой уж тут работать! — воскликнула старушка. — Я на пенсии давно. Хожу еле-еле, кому такие работники-то нужны, — она улыбалась, но девочка расслышала горечь в этой фразе. Они медленно брели вдоль дворов и вскоре дошли до того самого закоулка у школы, где так часто коротали время наиболее беспечные из учеников. Саша с тревогой посмотрела на знакомый подъезд, но рядом с ним никого не оказалось.

Школьница тащила по ступенькам коричневую сумку в одной руке, а другой рукой под локоть вела старушку. Та нетвердо взбиралась по ступенькам, нащупывая под собой пол, будто проверяла на прочность молодой речной лед. В подъезде спутница девочки принялась беспокоиться и суетиться — спрашивала, не тяжел ли их маленький возок, просила быть осторожнее, если сумка слишком резко ударялась о ступеньку. Когда

они добрались до квартиры, старушка все говорила и говорила, и Саше было неловко уйти. Ее собеседница заметно оживилась и не прекращала благодарить школьницу за помощь.

— Ну ладно, я пойду, — заторопилась девочка, едва они затащили тележку.

— Как, уже пойдете? — удивилась старушка. — Может чаю, Сашенька, как же мне вас отблагодарить?

— Да нет, спасибо, мне пора идти, — мялась в дверях девочка, отказывать было неудобно.

— Давайте я вас угощу чем-нибудь! — старушка засуетилась в поисках кулька с конфетами.

— Да не нужно, спасибо, до свидания! — школьница попятилась к ступенькам.

— Вы заходите как-нибудь, заходите, — с надеждой проговорила старушка, выглядывая из-за двери, — заходите...

Саша бодро зашагала по улице, на ходу откусывая большие куски вкусного шоколада. Беспомощное «заходите» словно эхо пульсировало в голове.

В гостях

Неделя шла за неделей, весна разгоралась, предвещая пожар из красных тюльпанов на клумбе по пути из школы домой. Саша могла бы радоваться приятным теплым дням, но от пьяных криков дома и нестерпимой очереди домашних заданий мир тускнел. Старушка не показывалась ни в магазине, ни у подъезда, и девочка забыла про странное знакомство. Ей хотелось, чтобы учебный год поскорее закончился вместе с разговорами учителей о никчемности кучки подростков из ее класса и ненавистной химией. Но потом вспоминала, что придется проводить каждый день дома вместе с родителями, и от этой мысли вся сжималась, слабела и мрачнела. Целое лето дома, когда все друзья разъедутся на море и за границу,

а Саша останется слушать, как они с отцом поступательно и целенаправленно доводят мать до инфаркта. Нет, так жить невозможно. Придя к такому выводу, девочка громко вздохнула, чем вызвала недовольный взгляд учительницы и подозрительный — одноклассниц.

Она снова увидела старую знакомую, когда встрепанная и недовольная рывком распахнула дверь магазина. На улице накрапывал дождь, и так не хотелось никуда идти, но после долгих препирательств с матерью Саша все-таки оделась и отправилась за покупками. Старушка только что закончила беседовать с продавцом и теперь опиралась на прилавок, пытаясь уложить прозрачный пакет с лекарствами в тряпичную сумку. Она промахивалась раз за разом, все больше горбилась и нависала над своим скарбом. Оставив попытки, старушка устало замерла с пакетом в руках.

Школьница захотела позвать ее и только сейчас поняла, что до сих пор не знает ее имени.

— Здравствуйте! — приветливо окрикнула она грузную фигуру у прилавка. — Помочь вам?

Старушка рассеянно обернулась на девочку, пошатнулась и едва не упала, вовремя ухватившись слабой рукой за край прилавка. Саша испуганно спросила:

— Вы плохо себя чувствуете?

Узнав девочку, старушка засуетилась.

— Ой, Саша, здравствуйте! Да, пошла за лекарствами, давление, еле дошла. Как обратно пойду, не знаю. Мне еще когда врач прописал, а собралась только сейчас, совсем не вмоготу стало, я последние две недели все лежу, — рассказывала старушка, глядя на девочку выцветшими глазами. Непослушная рука все еще сжимала прозрачный кулек.

— Э-э, давайте я вас провожу, — предложила Саша, помогая уместить пакет с коробочками лекарств в ветхой сумке.

— Правда? — по-детски переспросила старушка. — У вас, наверное, свои дела.

Школьница отмахнулась, сделала наказанные покупки и повела свою спутницу на смоченную весенним дождем ули-

цу. Они медленно шли по тротуару, девочка поддерживала старушку и чувствовала пульсирующее тепло сухой руки.

— А как вас зовут? — спросила Саша, стесняясь собственной бестактности.

— Меня? Антонина Николаевна, — ответила старушка, и в ее голосе были слышны интонации советских дикторов, тех самых, что вместо «дождь» говорили «дожжь». Девочка заметила, что каждый шаг давался ее спутнице с трудом, тело непослушно покачивалось, кренясь то в одну, то в другую сторону.

— Саша, я вам так благодарна, спасибо. Мне помочь-то некому...

— А внуков нет у вас? — поинтересовалась девочка.

— Внуков? Нет... Сынок у меня был, — сказала старушка через паузу, и ее глаза сразу же затянуло мокрым. — Погиб он. Давно, — теперь слова, как и шаги, получались натужно, и школьница отругала себя за неуместный вопрос.

Дошли до квартиры. Тяжело дыша, старушка на ощупь добралась до старой тахты. Девочка замерла в нерешительности. Так бы и осталась стоять, но хозяйка квартиры попросила принести таблетки. Саша засуетилась, испуганно глядя на побелевшее лицо своей спутницы. На кухне она обнаружила молоко, которое растеклось по полу вокруг жалко смятого голубого пакета. Едва не наступив в лужу, школьница тихо выругалась. Она налила воды и отнесла старушке. В ванной нашлась старая половая тряпка, и девочка быстро все убрала.

Саша очнулась, когда стало темнеть. Она сидела в старом кресле, поджав ноги и ковыряя драную джинсу на коленке. Сколько времени девочка уже провела в гостях? Школьница завертела головой в поисках часов, потом автоматически полезла в карман за телефоном. Старушке стало лучше. Когда она вспоминала о былом и улыбалась, ее глаза вновь обретали цвет, как у молодых, и Саша грелась в их теплом свете. Девочка размякла в кресле и, втайне даже для себя, с интересом слушала. Старушка вела оживленный рассказ о тех днях, когда

жить было хорошо. Когда у нее была семья, работа, походы в театр, вкусные обеды и ужины, но...

— ...но потом, знаете, как в стихотворении у Тургенева «Все они умерли, умерли...», — прервала свой монолог старушка. — Саша, вы знаете, что у Тургенева есть стихи?

Девочка похлопала по карманам — телефона не было. Наверное, оставила его дома. Надо возвращаться.

— Нет, кажется, — рассеяно ответила в поисках куртки. — Мне пора, поздно уже.

— Подожди, подожди, я хочу кое-что найти для тебя, — опершись на руку, старушка не без труда поднялась и неуверенно направилась к шкафу. Саша уже натянула кеды, когда ее новая знакомая преподнесла ей небольшую книгу в хорошем переплете.

— Посмотри, — попросила старушка, — мне когда-то очень нравилось ее читать.

Саша уже устремилась вниз по лестнице, когда старушка опомнилась и обрушила на девочку целый поток слов признательности за уделенное время, доброту и еще за что-то, и еще, потому что лишь пожилые люди не скупятся на благодарность и искренние пожелания, словно только сейчас начали ценить драгоценный дар общения и взаимопомощи.

Было очень легко идти домой. Саша шла быстро, иногда подставляя ладони под нежный весенний ветер. Она только сейчас заметила, как прочистилось небо, словно откашлялось от столетней зимней пыли, и теперь стало таким ясным и таким голубым. Захотелось улыбнуться. Девочка осмотрела книгу. Она называлась «Стихотворения в прозе». Название показалось ей нелепым.

Ключ тихо скользнул в замке, и Саша зашла домой. Мать ждала ее у порога — серое гневное лицо с поджатыми губами. Девочка замерла, в горле застрял твердый комок.

— Ты знаешь, сколько тебя не было? — вырвался требовательный вопрос. Школьница хотела ответить, но не успела. — Я тебя погулять что ли послала? Опять шаталась с этой пьянью малолетней? Хочешь быть, как папаша твой?

— Нет, мам, честно нет... — девочка пыталась что-то сказать в свое оправдание, но мать была не на шутку раздражена и не давала вставить слово в свой монолог вопросов.

— Довольная она пришла, ты что сделала за сегодня? Уроки сделала? Шаришься где попало, мать тебя по дворам должна бегать искать? Почему телефон не взяла? С мальчиками выгуливаетесь все?

— Нет, я просто забыла взять...

— Где была, я спрашиваю тебя?

У Саши задрожали губы, но мать как будто ждала этого, и вконец рассвирепев, замахнулась на девочку.

— Мама, не надо, пожалуйста-а! — заплакала школьница и, закрывая лицо, забилась в угол. Удары приходились по рукам, спине и ногам, железная часть плойки сразу оставляла синяки, вслед ударял провод. — Ма-ма, по-жа-луй-ста, — всхлипывала девочка, пальцы, отстранявшие удары, горели огнем.

— Чтоб ты вообще домой не приходила! — женщина запыхалась, плойка выпала из ее рук на пол. Резко развернувшись, она ушла на кухню, где что-то начало подгорать.

Саша лежала в тусклом коридоре и тихо скулила, закрыв лицо ладонями, которые сильно жгло. Она хорошо знала: если плакать громче, мать вернется и заставит ее замолчать. С кухни доносилось бряцанье посуды, в зале под бормотание телевизора спал пьяный отец. Несколько минут школьница едва могла пошевелиться и только глубоко и резко вдыхала, чтобы справиться с болью. Мать не выходила с кухни. Стараясь двигаться бесшумно, девочка, как побитая собака, доползла до своей комнаты. Из сумки выпирало что-то твердое. Она посмотрела — это была книга. Саша открыла ее на первой странице.

Прощение

Саша закусила губу. Она серьезно изучала магазинный ассортимент, слегка наклонившись вперед. Из-за насупленного вида школьница казалась немного старше. Девочка остановила свой выбор на больших мягких домашних тапках, взяла их с полки и направилась к кассе. Группа знакомых ей подростков двинулась в ту же сторону. Саша дернулась, но ее заметили.

— Эй, привет! — поздоровалась с ней высокая девочка, которая шла под руку с незнакомым взрослым парнем.

Саша поздоровалась в ответ и хотела посторониться, но парень сделал шуточный жест, кажется, довольно-таки пьяный реверанс. Вся компания видела, как школьница положила на ленту у кассы большие, сейчас показавшиеся ей просто огромными, тапки. В толпе прыснули.

— Эт че, щас новая мода типа? — спросила одноклассница, с вызовом глядя на Сашу. Кто-то громко и неприятно рассмеялся.

— Это для бабушки, — ответила девочка, ковыряясь в кошельке и молясь, чтобы кассир быстрее шевелила руками. Из-под рукава предательски темнел синяк, школьница спрятала его нервным движением. Саша была уверена, что одноклассницы видели все. Они всегда видели все.

В компании послышались шепотки и смешки. Кажется, у нее спросили что-то еще, но девочка быстро взяла свою попку и поспешила к выходу. Отчего-то стало противно и гадко на душе. Что у них, бабушек что ли нет, думала школьница по пути к знакомому подъезду. Она почувствовала стыд и почти возненавидела эти тапки. Но когда Саша увидела, как Антонина Николаевна обрадовалась обновке, то забыла о неприятном.

Они, как обычно, пили чай, а потом школьница, как обычно, села за уроки. Близился конец года, а вместе с ним несколько годовых контрольных. Девочка боялась, что прова-

лит их. Старушка была уверена в обратном. Они даже немного занимались. Антонине Николаевне стало лучше. Саша любила ее еду. И тишину в квартире. И сладкий чай. Ей нравилось, что старушка хвалит ее даже за то, за что хвалить, казалось бы, и не надо. Иногда школьница грубила, если старушка проявляла назойливость, но выходя за порог, шла домой мрачнее обычного и умирала со стыда.

Больше всего она не любила возвращаться домой. Саша теперь никогда не задерживалась до темноты — не собиралась давать новый повод для ругани, и без этого всегда находилось к чему придраться. Слушать монотонные перечисления собственных недостатков ежедневно было невыносимо, и школьница смотрела сквозь стену безучастным, потухшим взглядом, молча соглашаясь со всеми обвинениями и желая только одного — тишины. Смена настроения не прошла незамеченной, девочку стали подозревать в наркомании. Саша постоянно находила свои карманы вывернутыми, а рюкзак опустошенным — мать искала доказательства.

Это было в день контрольной по русскому. Она сдала ее. На четыре, первый раз в жизни. Учительница даже проверила повторно. Девочка мыла пол, счастливая Антонина Николаевна пекла пирожки, от запаха урчало в животе. Кто-то позвонил в дверь. Потом почти сразу — требовательно затарабанил ручкой. Саша положила тряпку и оглянулась на бабушку, та крикнула с кухни:

— У меня руки в муке, спроси кто!

Девочка подошла к двери и посмотрела в глазок. Немного опешив, открыла. На пороге стояла мама. Она влетела в квартиру и, не разуваясь, натоптала на только что вымытом полу. Увидела удивленное лицо Антонины Николаевны и пирожки на столе, остановила вторжение. Саша медленно закрыла дверь. Мама странно озиралась, взгляд зацепился на самодельной открытке в виде бумажной цифры девять. Сверху корявый Сашин почерк: «Бабуля, поздравляю с праздником Победы!» Мама села на краешек табурета. Жалкая ее фигура обмякла. Одна, вторая, третья слезинки ожгли кожу. Закрыла руками лицо,

шептала: «Прости меня». Саша молча прижалась к ней. Впервые девочке стало жаль мать. Старушка взяла три чайные кружки. Чайник только вскипел и выпускал в комнату белый пар.

Это был миг понимания и прощения. У некоторых его не случается за всю жизнь. У некоторых нет бабушки. Многие не знают, что Тургенев писал стихи.

Лекарство для отца

— Папа!

Отец сидел, сгорбившись, закрыв руками лицо. Сережка пытался оттащить его руку и узнать, почему он расстроен.

— Ну, пап!

Большая грубая отцовская рука поддалась и обессиленно повисла. Красные мутные глаза с непониманием уставились на мальчика. Он испугался этих *других* отцовских глаз и снова в отчаянии принялся трясти большую руку, словно в попытке вернуть *прежнего* отца.

— Ммм... Ты... — Отец будто узнал Сережку и хотел что-то сказать, но не смог, неловко высвободил руку, прислонил ко лбу и принялся несвязно мычать.

— Сережа, отойди от отца, — сказала мама странным голосом и снова расплакалась, тихо давя свои рыдания в насквозь мокром платке. Они с сестрой сидели на диване. Мама плакала, а Вика, старшая девочка, смотрела в пол, сжав губы и скрепив руки.

Сережка привык к тому, что мама постоянно плачет и не побежал к ней. Вместо этого он сел на полу, где лежал оставленный им игрушечный вертолет.

Мальчик не знал, что именно случилось, но остро чувствовал тревогу. Папы долго не было, и вот он пришел. Но почему-то никто кроме Сережки ему не обрадовался. Когда папа приходит поздно, мама сначала ругается, бывает, даже бьет отца кухонной тряпкой, а потом садится и плачет. Тогда Сережке жалко отца, что его все обижают, и он хочет потрогать его. И чтобы у папы глаза не были красными, и с ним снова можно

было поиграть или посмотреть фильм «для мужиков» — так папа говорит про фильмы, где много стреляют.

Серезка не понимает, почему мама так злится на отца. Она, конечно, и на него, Серезку, иногда злится, когда он испачкается или разбросает игрушки. Но из-за игрушек или пятен она никогда не плачет. Просто кладет вещи в стиральную машину. Серезка посмотрел на отцовскую куртку, которая зловещим комком темнела на полу в коридоре.

— Мама, ты стираешь? — спросил Серезка, обрадовавшись своей догадке. — Мама, ты стираешь папину куртку? Мама! Мамочка, папа больше не будет пачкаться! Мам!

— Отстань, я сказала, — мать прикрикнула на мальчика, ее голос сорвался в хрипоту. Теперь у нее тоже красные глаза, подумал Серезка.

— Вжжж! Вжж! Готовимся к посадке! — Игрушечный вертолет взлетел и сел, но при посадке у него снова отвалилось колесо. Серезка принялся чинить. Зевнул.

— Так, все, иди спать, — мать, утеревшая слезы, встала и позвала Серезку в детскую.

Мальчик побежал за ней.

— Мама, а где папа будет спать, мам?

Мать не отвечала.

— Мам!

— В коридоре на тряпке! — отрезала мать, резкими и порывистыми движениями расправлявшая его постель.

— Почему, мам? Почему? У папы же есть своя кровать?

— Так, все, спи, сил уже моих нет, — мать коснулась его лба холодными и влажными от слез губами, погасила свет и ушла.

Серезка слышал, как кто-то лил воду в ванной, долго сморкался и шаркал по полу. Потом услышал, как мама заперлась на замок в комнате для родителей. Пришла Вика. Они спали в одной спальне. Серезка делал вид, что спит, но на самом деле не спал. Ему казалось, что сердце слишком быстро бьется. От этого было страшно.

— Вика!

Вика не сразу, но оторвалась от смартфона и посмотрела на него тяжелым взглядом. Она была подросток и часто на него ворчала, если Сережка мешал.

— Что?

— Вика, почему... Почему мама злая?

— Мама не злая, спи.

— Она злая. Она ругается. Ругается на папу. И вчера ругалась и сегодня.

Вика снова уткнулась в телефон. От этого ее лицо начинало светиться. Наконец она ответила:

— Папа заболел, вот мама и ругается.

Экран телефона погас. Вика укрылась одеялом, долго ворочалась, потом застыла, и Сережка услышал ее ровное дыхание.

Папа заболел! Когда Сережка болел, мама тоже ругалась, особенно если мальчик до этого не надел кофту или прыгал в лужи и промок. И тут Сережка понял: папе забыли дать лекарство! От догадки он даже сел в кровати. Потом выбрался из одеяла и хотел позвать маму, но вспомнил, что она не любит, когда ее будят. Тогда Сережка решил сам полечить папу. Мальчик побежал на кухню: он знает, где лежит аптечка — в коробке из-под обуви. Мама всегда лечит Сережку таблетками и шипучками из этой коробки.

— Папа, я тебя сейчас полечу! — говорит Сережка и несет отцу аптечку.

Отец сидел в том же кресле. При виде аптечки его взгляд немного прояснел, как показалось мальчику. Он обрадовался и тут же вспомнил, что для таблеток нужна кружка с водой.

— Ой, папа, я тебе сейчас водички налью.

Шлепая босыми ногами, Сережка снова побежал на кухню, где, забравшись на стульчик, налил из тяжелого чайника воды в высокую папину кружку. Побежав с кружкой, немного расплескал, заглянул — ему показалось, что воды для лечения достаточно, по крайней мере, мама давала ему гораздо меньше.

— Папа, выпей таблетку! Выпей таблетку! — Сережка протянул отцу кружку, и тот взял ее. Потом улыбнулся. И Сережка улыбнулся.

— Ты не бойся, она не горькая!

К огромному удовольствию Сережки, отец взял аптечку, несколько пачек с таблетками выпали. Среди горки коробок, отец нашел одну. Он долго ее открывал, а когда открыл, стал выколупывать из фольги круглые белые таблетки. Сережка смотрел.

— Н-не получается, Сережка, — сказал отец нечетко, разведя руками.

— Я помогу тебе! — У Сережки пальчики маленькие, он доставал таблетки одну за одной, пока их не набралась горка. Отец все подбадривал:

— Еще, Сережка, мало!

Когда мальчик выдавил последнюю таблетку, ему показалось, что их очень много. Отец забрал все и прямо из ладони высыпал в рот. Запил водой, которую принес Сережка, откинулся на диване и закрыл глаза. Сережке показалось, он засыпает. Мальчик испугался, что папа замерзнет во сне, и накрыл, как мог, его большое тело старым колючим пледом.

Сережка еще немного посмотрел на отца. Он казался таким спокойным, даже спина совсем не поднималась от дыхания. Совсем-совсем. Сережка прислонился ухом к его спине, отцовское сердце было гораздо тише, чем у него, поэтому мальчик не услышал, как оно бьется.

Радостный, Сережка побежал в детскую, представляя, что завтра расскажет маме, как он папу вылечил.

Сюрприз

— Это сюрприз.

Так говорили в декабре. Когда спрашивала его о планах на Новый год. И когда ее спрашивали друзья, тоже так отвечала, растягивая в томной улыбке пухлые, будто от детской обиды, губы. С тайной радостью подмечала завистливый огонек в глазах. Конечно, тут любой позавидует — полгода путешествий, подарков и нежных сцен. Уж как не пыталась поссориться, он все предупреждал — мягко, но уверенно. И ладно бы старик или любитель выпить, но нет же — волонтер в кошачьем приюте. Такое вообще возможно? Возможно, чтобы все это благородство не уравновешивалось досадным недостатком?

Ильзе выпускала дым и говорила:

— Конечно, нет. Ты погоди. Вы же не жили вместе. Как поживешь с человеком недельку, так сразу и узнаешь какой он — неряха, скупец или маменькин сынок.

«Нет», — думала Криста, но в ее душе укоренялась смутная безотчетная тревога.

Узнать подробности сюрприза никак не получалось, Тимур таил загадочное молчание, начинавшее раздражать.

— Какие хотя бы вещи с собой брать? — допытывалась Криста.

— Возьми удобные, — улыбнулся Тим, разминая ее маленькую ножку, уставшую от каблучков.

Криста измучилась интригой, подруги строили самые разные предположения. Выезжали тридцатого в радостном настроении. Превозмогала любопытство, маясь им, как в дет-

стве. Ехали очень долго, Криста удивилась, что взяли с собой так мало продуктов. «В ресторане будем ужинать», — подумала она и сладко потянулась, кутаясь в пушистую шубку.

Посыпала белая крупка, вечерело. За окном давно исчез оживленный предновогодний город, оставлен и чумазый пригород. На скучных полях тут и там зачернели шапки деревенских домов. От монотонной езды Криста задремала.

Очнувшись от легкого прикосновения Тима, ощутила странную тревожную тишину, не обеспокоенную ни одним звуком. Двигатель машины затих, они стояли среди белых снегов. Шея изрядно затекла, и девушка недовольно потерла ее рукой.

— Куда мы приехали?

— Пойдем, сама увидишь.

Криста нетерпеливо покинула машину. Вокруг стояла тьма. Только свет из окна искрился огромный сугроб. Она растерялась и даже испугалась.

— Тим, это что за глушь?

Тимур сделал вид, что не услышал вопроса, и ощупал запертую калитку.

— Есть кто?

Дверь дома скрипнула, и кто-то заторопился к ним, скрипя снегом.

— Приехали?

Из калитки показалось круглое лицо. Не дождавшись ответа, хозяйка крикнула в дом:

— Приехали!

Тимур тепло поздоровался с женщиной в платке.

«А-ля рус», — подумала Криста.

— Ну пойдемте скорее, а то с дороги-то, поди, устали.

Хозяйка очень суетилась, что-то бубня под нос, пока они шли к следующему дому — настоящему деревянному срубам. Калитка вела к подбитому брусьями крыльцу.

— Вот и пришли, вот домик-то.

Криста не нашла слов. Круглая женщина привела их к древнему деревенскому дому. Пахло влажным сеном и снегом. Надтреснутые брусья зияли черным.

— Ну заходите, мы натопили, погреемся.

В проеме пришлось низко наклонять голову. Внутри было светло, тепло и сухо. Укутанная серпантином и «дождиком» елочка в земляной кадке распространяла новогодний аромат.

Хозяйка, бодрая женщина в годах, взволновано показывала им дом. В нем оказалось всего две комнаты, не считая холодных сеней. Тимур с вежливым любопытством интересовался. Криста безмолвно замерла на крашеном полу, к ногам в капроновых чулочках крался холод, проникающий сквозь дерево из земли.

— Ох, не замерзли бы, — оглядела хозяйка гостей. — Вам принести чего, носков у нас вязаных девать некуда, валенки есть.

— Спасибо большое, Антонина Мироновна, мы как немного освоимся, скажем обязательно, — улыбался Тимур.

— Ой, да какая Мироновна, баб Тоня и все тут, — отмахнулась хозяйка и засуетилась. — Голодные? Сейчас, несу-несу.

Когда баб Тоня скрылась, Криста готова была взорваться.

— Тим, ты шутишь, да?

— Тебе понравится, — отвечал он уверенно.

— Понравится что — этот сарай? — Догадка вытянула ее лицо в букву «О». — Ты что, планируешь здесь Новый год праздновать?

— Подожди, вот увидишь, как здесь красиво. Не хуже, чем на горнолыжных курортах, я, кстати, лыжи взял...

— Я просто не верю, — Криста высвободила свои руки из его теплых ладоней и раздраженно скрестила их на груди. На глазах наворачивались слезы. Вот так сюрприз! Действительно сюрприз.

Тимур мягко обнял ее за плечи и произнес примиряюще:

— Я обещаю — тебе понравится, ты еще не знаешь, какой нам завтра предстоит праздничный ужин!

— Никакого ужина не будет, поехали домой, Тим, это не смешно. Отвези меня домой! — повисила раздраженно голос.

Тим не успел ответить, в сенях скрипнула старая дверь, показалась расторопная хозяйка.

— Вот, принесла, принесла, — говорила она чуть нараспев, выгружая котелки на стол. Тимур бросился ей помогать. — Для гостей у нас тут самовар есть, вот краник-то. Чайник тоже есть, но в нашем доме только-то.

От запаха еды в желудке сладко заныло, Криста неохотно приняла приглашение перекусить. На вышитую белую скатерть баб Тоня сервировала красивые винтажные тарелки.

— Ну, кушайте. Я вас больше не буду беспокоить, вы если шо, сами-то к нам заходите, если шо надо-то.

Тимур сердечно отблагодарил хозяйку, которая немного боязливо поглядывала на молчаливую недовольную гостью. Еще немного посуетившись, она наконец оставила их.

Криста с подозрением покосилась на дымящийся котелок.

— Жаркое, — пояснил Тим, он уже успел наложить себе полную тарелку и нетерпеливо принялся за дело.

Голод взял свое. Со вздохом Криста протянула холеную ручку к деревянному черпаку. Хмыкнула.

— Аутентично, — продолжал Тимур. — Представь, что ты в гостинице. Только вот такой натурально русской.

— Не хочу представлять, — капризничала Криста, пробуя на зубок ароматный кусочек. Жаркое оказалось горячим и очень вкусным. Пришлось есть. — Закончим и уедем.

Тим положил ложку.

— Ну не будь ребенком. Завтра при свете увидишь, как тут здорово. Покатаемся на лыжах.

И добавил, подумав:

— Тут животные есть, тебе же нравятся лошади.

— Мне не нравится идея справлять Новый год в какой-то глуши с лошадьми, — снова повысила голос Криста. — Я просто не представляю, что расскажу всем — как я тусовалась в деревне на конюшне?

— А тебе так важно, что все подумают, — Тим положил вилку и очень внимательно взглянул на девушку.

Криста не сконфузилась.

— Да, мне важно, представь себе, мне важно, где и с кем я провожу праздники.

Она ворчала еще некоторое время, разговор зашел в тупик. Наконец, Тим сказал:

— Ну куда мы сейчас поедем на ночь глядя, дорога скользкая, да и я устал. Давай завтра, если тебе тут совсем не понравится. В чем я сомневаюсь.

Криста колебалась, но пришлось уступить. И правда уже поздно. «Да и уплачено, наверно». На том и сошлись.

После ужина Криста хотела проверить лайки в «Инстаграме» и полистать ленту. Но ее ждал еще один сюрприз.

— Вы что, серьезно?! — интернета на телефоне не было вообще, да и связь ловила только на улице. — Ну прекрасно!

Тим сладко потянулся на кровати.

— Отдохнем без интернета. Ты же сама мечтала, чтобы нас никто не беспокоил.

— Ты издеваешься? Тут каменный век какой-то.

Криста маялась и мерзла. Со скуки листала старые фотографии в телефоне. Это она в Европе. Это она в Азии. А теперь она здесь.

Криста навела объектив телефона на стол. Потом на кровать. Выходило бедно и некрасиво. Стало грустно. Тим задремал. Казалось, окружающая тишина давит со всех сторон, словно толща воды. От этой тишины, не прерываемой ни шуршанием шин, ни дребезжанием трамвая, ни лаем собаки или смехом прохожих, стало жутко. В тишине в голову приходили мысли. Криста не привыкла рано ложиться, и долго, после того как отыскала деревенский умывальник над ведром и переоделась в шелковое домашнее, скучала и вздыхала. В постели было неудобно, и она толкала Тимура, пытаясь его разбудить. Передумав свои маленькие мысли и возненавидев все вокруг, Криста уснула в тревоге.

Спала долго и тщательно. Ватное стеганое одеяло грело надежно, и Криста нежилась, пока не открыла глаза и не вспомнила, где находится. Подушка Тима сиротливо пустила, прогнувшись ямкой от головы. Со стены смотрели

старые советские черно-белые портреты: юная большеглазая девушка, муж и жена — серьезные, неулыбчивые, человек в шинели, маленькая девочка с бантом. Детское ощущение праздничного 31 декабря сладко свербело где-то внутри. Криста села, кожу обжег холод, видимо, печка давно уже протопилась. Перепрыгивая с ноги на ногу и стуча зубами, добралась до умывальника и на мгновение кожа онемела от ледяной воды.

Умывшись, стала деловито собираться. Куда же Тим запропастился? Со стола исчезла грязная посуда, зато появились оладьи и стопка кругляшков-блинчиков. Отвернулась брезгливо — завтракать жирным тестом? Ну уж нет.

Во дворе скрипнула калитка. Криста сделала обиженное бескомпромиссное лицо. Но вместо Тима в дом с ведром угля протиснулась баб Тоня.

— Ну слава Богу, я уж испугалась, что разбужу — буду ведрами греметь. А не затоплю — замерзли бы совсем. Как спалось, хорошо?

Баб Тоня была обезоруживающе дружелюбна, и грубость застряла у Кристи где-то между языком и губами.

— Да... Прохладно только.

— Ой, да это ничего, сейчас натопим-то, печка быстро разойдется. Снегу навалило-то, — приговаривала баб Тоня, подкладывая уголь в печь. — Еле к вам тропинку-то расчистили! Муж ваш лопату у меня отобрал, сам говорит буду чистить! Хороший человек, — хозяйка искоса посмотрела на Кристу. Девушка торопливо одернула краешек занавески и ахнула.

— Замело!

— Да, да, замело, — вторила баб Тоня. — Теперь ни одна машина не проедет, пока Геннадьич не очнется. Хорошо, что вы до четвертого. К четвертому-то поди протрезвеет! — Баб Тоня залилась громким задорным смехом.

— Да вы что, — выдавила из себя Криста, готовая взорваться в ту же минуту. Она вышла вслед за хозяйкой на крыльцо и остолбенела на пороге. В слякотном городе, скупом на снегопады, никогда не случалось столько снега зараз. Пушистые

снежинки заполнили небо, было немного пасмурно, но от снега в преддверии новогодней ночи все казалось праздничным. Сугробы давно превысили шокирующую для горожанина отметку в «по пояс». Из калитки наконец показался Тимур в ярком лыжном костюме. Он лучезарно улыбался и не скрывал радости. Кристу это разозлило еще больше.

— Доволен? — мрачно спросила она.

— Ты погляди, этот снег — что-то невероятное! — Тим подхватил девушку и закружил, снежинки засверкали в ее волосах.

— Дапусти меня! — Криста вырвалась и убежала в дом. Там она подхватила собранную сумку и поспешила к калитке, игнорируя просьбы Тима прекратить истерику и объять красоту зимнего мира. За неуместный романтизм Тим был незамедлительно назван дураком. Пусть сами тут празднуют, в этой деревне! Она здесь оставаться не намерена. Подумаешь дорогу немного замело, не первый день в северной стране живем.

Криста с трудом открыла калитку. Сухое дерево трамбовало снег. Машина была заботливо откопана по периметру, но впереди, словно белая стена, вырос сугроб.

— Ну куда ты, ну? — спрашивал Тим из калитки.

— Домой! — Криста села за руль и бурно разрыдалась. Тим молча устроился рядом и стал гладить ее по руке. Криста разразилась упреками: и Новый год он ей испортил, и сюрприз у него никудышный, и дом этот грязный, холодный, и не хочет она в него возвращаться, и полночь будет тут встречать — в машине! Глядел на нее почти с жалостью, утешал, но его упрямый оптимизм действовал на нервы.

Надоело уговаривать, тропинка в дом хрустко освежилась следами. Кристу хватило на сорок минут. В машине стало скучно, и она отправилась сердиться в дом хозяйки, намереваясь устроить образцовый скандал с критикой сервиса. У дома Криста услышала сладковатый земляной запах сена и навоза. Подозрительный шорох заставил остановиться у крыльца. Девушка оглянулась и увидела прямоугольную коровью морду. Криста показала ей язык. Корова сделала вид, что это ее не касается.

В доме хозяйки было все по-другому. В отдельной комнате перед входом теснились бидончики, накрытые сверху марлей, от которой исходил кислый дух. Все это казалось непонятным. Криста вошла без стука, из-за шума ее не заметили. Праздничные ароматы атаковали со всех сторон — она явственно ощущала запах поджаренной мясной корочки и в то же время сладкого пирога, смоле еловых ветвей и что-то еще, неуловимое, словно запах новой иллюстрированной книжки из детства.

Тепло дома окружило ее, и замерзающие второй день ноги моментально согрелись. Тим по уши закопался в муку и тесто, и с таким задором хохотал, что Криста чуть не задохнулась от зависти. Смех перебивало громкое ворчание телевизора, где новогодний Шурик кидал «докторскую» колбасу злой собаке.

— Ктой-та? — вскрикнула вынырнувшая из соседней комнаты юркая маленькая старушка, которую Криста до смерти напугала. Она едва не выронила горшок, бережно укутанный в несколько полотенец. — Тоня-я!

— Ой, это же Кристина, — Тимур наконец-то выглянул из мучного облака.

— Проходите, проходите, — крикнула баб Тоня, окруженная, словно генерал, армией комочков теста.

— Нет, ну послушайте, — начала Криста строгим голосом, не поздоровавшись. — Мне, например, нужно уехать в город сейчас, я что, не могу это сделать?

— А шо, Тоня, звони Геннадьичу, — хлопотала маленькая старушка, с невероятной проворностью для своих лет управлявшаяся по дому.

— Да толку-то, баб Паш, — отвечала хозяйка, отряхиваясь от муки, — он в запое еще со среды. — А шо случилось-то?

— Мне нужно домой, — чеканила Криста сквозь зубы.

Геннадьич не отвечал. Баб Тоня пожимала плечами, тыкая в кнопки телефона допотопной модели.

— И что, без Геннадьича вашего никак? Нет у вас райцентра или трактора какого-нибудь?

— Да какой райцентр! — всплеснула руками старушка. — Раньше сорок два человека на покос ходили. А шас в деревне никого не осталось ведь. Мы да три дома. Летом приезжают на дачи. Зимой-то никого нет, — и громким шепотом баб Тоне:

— Чой-то она нервничает, Тоня, ты погляди, шо случилось мож?

— Вы не заболели? — тревожилась хозяйка. — Погодите, может завтра проспится-то Геннадьич, я сразу его к нам пошлю, расчистит он, только у него техника-то.

— Спасибо, — кривилась Криста, пятясь к выходу.

Вернулись в дом. Хмуру заявила Тиму, что хочет есть и принялась яростно истреблять горку холодных тончайших блинов, как назло отчаянно вкусных, но вкуснее всего была сливочная домашняя сметана — густая и сладкая, как крем. Хорошо, что ее фитнес-тренер не видит.

А потом и обед подоспел.

Криста предавалась отчаянию. В домике не было даже телевизора. Оказывается, никто здесь телевизором не интересовался. Связь ловила с трудом. Криста набрала номер, но голоса прерывались, слова нещадно кромсало, в трубке булькали обрывки фраз. Тим подвергался упрекам и гневным взглядам ежеминутно, но не сдавался. Он продолжал смаковать будущую поездку на лыжах по окрестностям и праздничный новогодний ужин.

Как-то незаметно наступил вечер. Самый магический вечер в году — канун Нового года. Обычно Криста праздновала Новый год в красивом платье, с друзьями, в роскоши, с музыкой. Здесь же стояла тишина, помноженная на абсолют. Тишина раздражала. Все раздражало. Особенно неуместный романтизм Тима. Со стены прямо в душу смотрели старые портреты. Криста поежилась.

Снег продолжал обуревать землю с неслыханной щедростью. Сугроб почти дорос до окна. Не перестававшую капризничать Крису снабдили теплой «тужурочкой» для дома и чуть ли не дюжиной огромных шерстяных носков всех рас-

цветок. Наконец согрелась. Пока ждали ужина, Тим предложил сыграть в игру для влюбленных. Нужно было вытаскивать карточки и отвечать на вопросы. Криста неохотно согласилась. Но и здесь не задалось. Выяснилось, что Тим знает о Кристе все, а она вроде как про него совсем мало. И как не хмурила лоб, сжимая карточку «Его любимая музыкальная группа», не могла вспомнить, а от этого еще больше злилась.

Вечером баб Тоня накрыла удивительный стол, которому позавидовал бы самый въедливый специалист по русской кухне. Криста даже немного развеселилась.

— Я-то думала, русская кухня — это пельмени и гречка, — удивлялась она, осторожно пробуя мневую ксень.

— Говорят, это русское фуа-гра, — вдохновенно рассказывал Тим, большой любитель гастрономических историй.

Баб Тоня смущенно отмахивалась. Казалось, снег вот-вот засыплет окно. Печка уютно потрескивала, прогорала, отдавая жар в дом. На елочной ветке покачивался разноцветный петушок. Криста только сейчас заметила, что все игрушки, украшавшие их елочку, были очень старыми. Как и все здесь. Отчего она так злится? Отчего столько мыслей в голове — беспокойных? И скучно от этого, и плохо. И накатывает тоска. И телефон сел. Она то принималась размышлять о работе. То о Тиме. То о подружках. Ведь они всегда поздравляли в мессенджерах. Но никто не звонит. В полночь позвонить догадалась только мама, но связь прерывалась. Отчего ей никто не звонит? Криста успокаивала себя — да просто все написали, а она не видит, интернета же нет. Но все же хорошо, чтобы кто-то позвонил. Никого. И заснула. Впервые в жизни не гуляла в новогоднюю ночь до утра, пока все шампанское не выпито, все танцы не станцованы, все кости не перемыты. Просто уснула, едва минутная стрелка перевалилась в Новый год. Раз и все. Как в детстве, когда ждешь этого момента весь вечер — так томительно и сладко.

Просто лежать и смотреть, как на елке от потока горячего печного воздуха раскачиваются спиральки серпантина. Про-

сто лежать. Как давно она не валялась вот так без всяких мыслей и торопливых сборов. Без ленты в телефоне. К утру снегопад наконец успокоился и за окном мерцало тихим морозным январским утром. Тим уже во всю уговаривал ее пойти с ним на лыжах.

Криста впала в странную апатию и наотрез отказывалась покидать нагретое одеяло, хотя каталась недурно, они часто ездили с друзьями на курорты. Заботливая баб Тоня принесла праздничный завтрак, от ароматов у Кристи защекотало в желудке. Почему-то вспомнилась бабушка. Своя бабушка, которая уже давно умерла, когда Криста еще училась в школе. Она тоже вставала спозаранку и готовила для них с сестрой блинчики. Криста плохо помнила, но где-то внутри все равно стало тепло.

Баб Тоня снова звонила злосчастному Геннадьичу. На этот раз абонент был недоступен. Тим уговаривал пойти с ним даже дольше, чем следует, но потом, насупившись и погрузнев, ушел в снежную белизну один. Стало очень тихо. Криста невольно прислушалась. В печи временами раздавался сухой треск. Поскрипывал старый дом, будто живой. Портреты со стены опять устали на нее с укоризной. Криста вздохнула. Вскоре она пожалела о своем упрямстве — в доме нечем было заняться, и девушка тоскливо смотрела в окно на застывший зимний пейзаж. Снег переливался на солнце, поблескивал, пушился сугробами.

Как же непривычно. Кристе хотелось на работу. И к друзьям. Взяла телефон. Ни одного сообщения. И звонка. А вдруг она нужна на работе... кому-нибудь, а этой чертовой связи нет! «Никто тебе не писал, никто тебя не ищет», — шепнул противный голосок внутри. Что за кошмарный Новый год? Тима не было очень долго. Когда он вернулся, весь румяный с мороза, горячий, живой и счастливый, Криста достигла крайней стадии тоски. Начав очередной монолог упреков, сама не заметила тяжелых гранитных слов, которые вдруг вырвались из красивых губ. Тим как-то сник на глазах, сдался. Ничего не ответил. Посмотрел на нее только один раз с немым во-

просом: «Ты действительно так считаешь?» «Да», — вздернула брови Криста. И он ушел сушить мокрые с улицы вещи. И больше не приставал ни с развлечениями, ни с уговорами. И стало совсем гадко. И еще более тихо. Криста слушала эту тишину, когда Тим сел читать книгу. Портреты на стене насупились.

А потом был другой день. И еще один. Криста сама звонила Геннадьичу. Звонила еще куда-то. В эвакуаторную службу даже. Все сговорились не отвечать. Хотя по одному номеру ответили, что такой деревни нет на карте. Тим молчал. Криста так соскучилась одна, страдая от вынужденной немоты, что даже отправилась в хозяйский дом. Тима там поили чаем. Криста отказалась и забилась в самый дальний угол стола.

— Вот так мы и обустроились, — рассказывала баб Тоня об открытии туристического домика в стиле «русская деревня». — И печка в доме была настоящая, ничего переделывать не пришлось, только крышу латали, побелка, пол чинили. Кой-какую мебель меняли. Вот нам из города привозили даже старинное.

— Что же, баб Тоня, и иностранцы к вам приезжают? Я в отзывах видел.

— Приезжают, приезжают. Один вот был до вас, дай Бог памяти, имена-то нерусские... Патрик, вспомнила. Патрик был. Петя, как баб Паша назвала. А до этого вот два друга приезжали. Так они, прощаясь, чуть слезы не лили. Напугали Галю в сельпо-то, как заявили! И давай ей на иностранном-то. А там какой иностранный! Там по-русски хоть бы владела, два слова-то связать. Скупили у ней пол-магазина, нам говорят: на, бабУшка. Так и говорят они — бабУшка. Кушай, бабУшка, дорогая. Так баб Паша запричитала. Все слезами обливались, никак расстаться не могли. Не думала сроду, что иностранцы такие. Телевизор-то послушать, нас все бомбить хотят, а тут вот на, бабУшка.

БабУшка в разговоре не участвовала. Баб Паша в толстых очках смотрела телевизор, изредка делая ремарки по поводу артистов новогоднего концерта. Криста тоже стала смотреть,

краем уха слушая Антонину Мироновну. Та рассказывала, изредка поднимая зазорные искорки глаз от вязанья. На столе перед ней лежала почти законченная исполинская варежка.

— Зимой-то? Да когда нам скучать. За скотиной столько уходу. Мы много не держим. Где мне одной справиться? Баб Паша уже слепая, за ней самой скоро уход. Да и гости. Когда гости, это ж завтрак сделать, то сделать, тесто, у-у, — машет рукой. — В городе, может, и скучно кому. Нам не скучно.

Криста не верила.

На следующий день Геннадьич протрезвел и вспомнил о существовании телефона и засыпанных снегом жителей соседнего села. Было еще совсем рано, когда Криста услышала его шумный мотор. Пока она спешно собиралась, Тим возился с найденной где-то гитарой, тихо напевая в другом конце комнаты.

— Снегопад к утру успокоился,

Устелил подоконник ватой.

И сияет дорога дальняя,

Вся раскатанная снежокатами.

Он остановился, чтобы немного натянуть струну. Потом продолжил тихо, но приятно:

— Не поехать ли нам за счастьем?

Вдруг оно за опушкой прячется?

В белом тереме, в красных валенках,

Улыбается, отворачивается...¹.

Музыка прервалась стуком в дверь. Всегда хлопочущая баб Тоня объявила, что дорога до большого шоссе свободна от снега. Можно ехать. Криста сдержанно поблагодарила ее и сама села за руль, когда Тим закончил со всеми прощаться.

Мерно шумел двигатель. Тим смотрел в окно. Криста отмахнулась от уколов совести. Она ощущала злость за деревенское заточение. Не терпелось скорее узнать последние новости, поглядеться с друзьями, стряхнуть пыль с платьев, накопленных к праздникам.

¹ Текст песни «Про счастье» группы «Белая гвардия».

В самое лучшее платье она не влезла. Ильзе ухмылялась:
— Ничего так кормили в деревне, я смотрю.

Криста злилась еще пуще. Какое счастье, что Тим не звонил, уж она бы ему опять все высказала. Через время вспомнила о нем. Даже хотела написать. Но отвлеклась и забыла. Она никогда не испытывала недостатка в мужском внимании. А Тим сделал все неправильно. Сюрпризы так не делаются. Только неприятные. А неприятных сюрпризов никто не любит, это всем ясно.

— Ясно, — поддакивали подружки.

Криста нравилась себе в этом блестящем платье. Мир кружился под музыку, и она парила над ним. Легкая на подъем, такая яркая, талантливая, еще юная, еще тонконогая, летящая, еще уверенная, что ее лето никогда не кончится. Лето...

У нее было столько планов, когда позвонила мама. Криста держала трубку, и краски мира блекли, хотя день стоял ясный. Веру прооперировали. Срочно. Опухоль. Вера старше Кристины всего на четыре года. Она молодая, сильная и со всем справится. Мама молчала в трубке, потом начала всхлипывать.

Не работалось. Криста все еще держала в руках телефон, взгляд мутнел в оконном стекле. Она поедет к ней в больницу сразу после работы. Сразу поедет. И купит апельсинов. Или что полагается возить в больницу. Опухоль вырезали, теперь все будет хорошо. Главное, что ее вырезали. Почему Вера не рассказала? Вера так может. Она не болтун, как Криста. Вера серьезная. У нее хорошая работа. Престижная. Но другая, не такая, как у Кристины. Им всегда нравились разные вещи, но они держались друг друга. Мы — семья, такое правило.

В больнице совсем другой мир — тихий. Криста сразу вжала голову в плечи, так здесь было неуютно. Вера лежала в реанимации. Она держалась хорошо, даже шутила. Мама постоянно плакала, промакивая отекавшие глаза и теребя бумажный платок. Вера просила не плакать, ведь операция прошла хорошо, осталось только подождать. Узнать, что рецидива не предвидится.

Все пошло не по плану. Мамины слезы полились нескончаемым потоком, а Криста растерянно наблюдала, как ее живая и красивая сестра на глазах превращается в бледно-серую тень. Криста постоянно терроризировала врачей: не найти ли хороший препарат, не сдать ли кровь, не попробовать ли другой метод лечения. Врачи медленно выдыхали воздух из легких. Потом слегка наклоняли голову и чуть виновато объясняли: она, Кристина, ничего сделать не может. Но они, врачи, делают то, что сейчас необходимо.

Когда Веру положили в хоспис, мама запила. Кристина никогда в жизни не видела ее такой. И еще она остро чувствовала, что должна быть с сестрой. Начальник, хоть и знал о причине постоянных отгулов, начал прозрачно намекать, что Кристина не справляется со своими обязанностями. Молча слушала, не чувствуя сил возразить или попросить отпуск сейчас — в разгар сезона.

Однажды Криста вернулась из хосписа домой и пожаловалась на усталость. В голове воспаленно пульсировало, пока она расстегивала пуговицы затвердевшими негнушимися пальцами. Мужчина, с которым они в то время жили вместе, поставил сериал на паузу.

— Знаешь, — сказал он, отрезая кусок диетического белкового блюда для наращивания мышечной массы, — я слышал, что девушка не должна вываливать на своего мужчину проблемы. Только ласка. Только все хорошо. Мужчина должен быть доволен.

Кристина на мгновение застыла на месте, пережидая, пока услышанные слова перестанут жечь нутро так сильно, что не набрать воздуха. Мужчина ел свое блюдо. Криста обулась обратно, взяла сумку и медленно вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Кажется, вслед что-то кричали, не разобрала. В тот день она впервые рыдала на улице, как те плачущие женщины в метро, от которых все жалостливо и брезгливо отворачиваются.

Все хлопоты, связанные с похоронами, пришлось взять на себя. Память, как мутные кадры из кино: вот она кричит

на мать в утро похорон, а ты дышит в ответ горьким спиртом, вот раздает свои сбережения серым похоронным менеджерам, вот равнодушно принимает соболезнования, не глядя никому в глаза. Кажется, что она сама мертва, но вынуждена оставаться на земле, потому что некому больше хоронить Веру.

Когда все закончилось, она отправила маму на такси домой. Опускались летние сумерки. Мягко тускнел до невозможности ясный теплый день. Кладбищенская зелень умиротворяюще шелестела. Почему все не так, как в романах, когда герою плохо и льет дождь, небеса разверзлись и «слезы слились с каплями дождя»? Почему? «Потому что это не роман», — ответил тихий внутренний голос.

Кристина села за руль. Посмотрела перед собой. Потом поехала. Ближайшее шоссе показалось ей смутно знакомым. Она направилась по нему в область. «Только не домой», — просило все внутри. «Ладно», — ответила Криста. Ехала. Сначала наугад, инстинктивно. Потом целенаправленно в это место по указателям. Летом оно оказалось совсем другим. Все зеленело и благоухало. Остановившись возле знакомого дома, Криста вышла из машины. Калитка была открыта. Девушка тихо вошла и села на расписанный пенёк во дворе. Только теперь она почувствовала усталость — руки и ноги, а пуще всего голова весили тонну, тело оцепенело от тяжести.

В сенях зашуршали. Баб Паша схватилась за сердце.

— Тоня! Тоня-я! Ты погляди, кой-та там сидит!

Баб Тоня выглянула в распахнутое окно. Прищурилась. Потом узнала и всплеснула руками. Через минуту Криста уже плакала у нее плече. К удивлению Кристины, хозяйка не собиралась ее прогонять после стакана воды с валерьянкой. Мало того, уговаривала остаться в гостевом домике.

«Денег не надо», — отмахнулась баб Тоня. Предыдущие гости съехали, а следующих еще нет, и на ночь домик пустовал. Криста не собиралась оставаться, но скоро сдалась. Совсем стемнело. От валерьянки она отупела и едва могла выговорить слово. Старушка разогрела еду, но Кристина отказалась. Все

внутренности наполнила тупая пульсирующая боль, и для еды не осталось места, хотелось лечь.

Баб Тоня под руку отвела ее в дом и заботливо расстелила чистую постель. Елку с игрушками сменили пучки полевых трав, источающие земляной аромат. Хозяйка наполнила умывальник, тихо бормоча под нос. Едва Криста оказалась на хрустящей от чистоты простыни, как тело одолел свинец. Не было сил даже, чтобы улечься поудобнее. Обняв колени и скрутившись в маленький, полный боли комок, Кристина уснула.

За деревом стены пел петух и шла своя летняя жизнь. Проснувшись, долго не шевелилась, боялась начать жить, снова чувствовать. Комната была та же, но казалось прошла вечность с тех пор, как Тим привез ее сюда на зимние каникулы. Со стены сочувственно глядели знакомые портреты, и Кристина вдруг явственно ощутила тепло их ушедшей жизни. Удивительно, подумалось ей, всего лишь портрет, а сколько за ним скрывается чувств и переживаний длинною в жизнь. Ведь у этого человека был свой мир, и любовь была, и сны, и свои заботы. Тут же внутри словно что-то разорвалось — мама. Она забыла вчера позвонить маме. Погибая от вины и стыда, Кристина искала телефон. Почему никто не звонил? Потом вспомнила — связь здесь плохо ловит. Мама, наверное, обыскалась.

Криста поторопилась на улицу, но на крыльце невольно остановилась. В безоблачном небе мягко стелилось теплое летнее утро. Воздух уже наполнился жужжанием шмелей и пухлых мух. Кристина взобралась на небольшой холм. Трава мягко касалась ее ног, не жала, и солнце согревало тонкие холодные руки. С пригорка открывался зеленый вид, и Кристина медленно вдохнула, словно выпила, травяной, древесный воздух. В телефоне несмело обозначилась маленькая палочка связи. Но пропущенных звонков не оказалось.

Мама еще спала. Не искала. Слава Богу. Чуть полегчало. Где она? Она в порядке. Хорошо. Обняв себя руками, Кристина спускалась с холма. Казалась такой слабой, что даже легкий летний ветерок мог повалить с ног. Борясь с головокружением, Кристина прижалась к теплому, шершавому стволу дерева. Так

и застыла, обнимая его, и боль из воспаленного виска по капле уходила в кору.

— Тоня-я, Христина тут.

— Я только спасибо сказать и поеду, — тихо произнесла Кристина на пороге хозяйского дома.

— Куда поедете-то, покушайте у нас сначала, — баб Тоня настаивала, и Криста не возражала. — Шо ж вы рано так проснулись, я бы вам принесла завтрак-то. Вон какая бледненькая! — Хозяйка суетилась вокруг гостьи, с поражающей быстротой накрывая стол.

Кристина вдруг обнаружила внутри свербящий голод и накинулась на оладьи.

— Настояшшая, — баб Паша поставила на стол густую домашнюю сметану.

— Кушайте, — заботилась хозяйка.

— Молоденькая? — вдруг спросила баб Тоня, когда Кристина закончила есть. Криста поняла.

— Только 32 года, — уставшие глаза вновь затянуло соленой влагой.

— Ой, молоденькая, — сокрушалась хозяйка. — Вот по што медицина у нас, все болезни лечит, а это не лечит? По што люди умирают такие молодые? И богатые, и бедные. И деньгами ведь не вылечить-то.

— Шо деньги, от денег этих заботы одни, — вторила баб Паша, с проворностью фокусника очищая лесные грибы.

Хозяйка вдруг извлекла из кармана мятый платок и принялась промакивать глаза.

— Нина, покойница, сестра моя, когда умерла... — баб Тоня махнула рукой не в силах продолжать и спрятала лицо в платке.

Кристина положила ладонь на ее шершавую сильную руку. По щекам ползли разъедающие кожу слезинки, которые срывались у подбородка и капали на колени.

Баб Тоня высвободила руку, чтобы высморкаться, и продолжила:

— Она, старшая, всегда строжилась, когда я еще такая была, — хозяйка махнула рукой к полу, — Тоня, делай это, не де-

лай то, Тоня, учись хорошо. Не обижала никогда. Но сама намучалась, намучалась... Муж у ней пьяница был, пропил машинку ее, машинку швейную, от матери досталась. Такую уж не найти, да и где там. Уж когда она помирала, говорила: «Высвободилась я, Тоня». И дом тот, — баб Тоня кивнула в сторону гостевого домика, — нам от ей перешел. Деток не было у них.

Баб Тоня снова спрятала лицо в платок.

— Тоня, ты прекращай, — строго сказала баб Паша, кинув очередной гриб в маленький тазик. — Я смертей этих столько повиديвала, не дай вам Бог, не дай Бог... И муж помер, и сын помер, и братья, зятя. Слезы все выплакала, что у-у... а когда горевать-то, когда? В утро корова мукает недоенная. Пойдешь, пойдешь, слезы у-у, а доишь все равно. Полы грязные. Малые исть просят. Живая ты и не плачь, не плачь. Шо слезы-то, шо? Богу лучше поди знать, кому когда помирать. Я вот скоро тоже помру. Все не помираю.

— Баб Паш...

— Всех пережила бабка, и ты сможешь, Христина, — в помутневших глазах старушки Криста обнаружила твердую уверенность в правильности хода жизни. Как ни в чем не бывало, та вернулась к своим грибам, да и баб Тоня, смахнув последнюю слезу, засобиралась на огород. Кристина не поддавалась уговорам остаться. Она знала — дома ее ждет мама, горе которой еще больше, еще глубже, еще неумнее и страшнее.

— Такой хороший парень с вами тогда был, — сказала вдруг баб Тоня, прощаясь.

— Да как-то не сложилось, — ответила Кристина, теребя сумку.

— Жаль...

— Я сделала нехорошо, — призналась девушка.

— А вы от сердца попросите прощения.

Кристина молча кивнула.

Напоследок присела на деревянную скамейку у забора. Беззаботно жужжало летнее небо. Внутри было странно пусто. Убаюканная боль улеглась пониже, томилась. Кристина знала, что та нес скоро оставит нутро, но в эту минуту наедине с собой

и летним, не обезображенным городом небом, на миг ощутила покой.

Ксюша Вежбицкая

Не поехать ли нам за счастьем?

Дизайнер обложки Марина Петрусь

Корректор Ирина Окунева